

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Авантюристы. Книга 4

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Авантюристы. Книга 4 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повествованием охвачены события века 20-го, /ЛИХОГО/ для нашего ОТЕЧЕСТВА и не менее /ЛИХИХ/ предыдущих и последующих веков. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Шарль Морис де Талейран, услышав о скоропостижной кончине профессора Мальтуса, принял посильное участие в организации погребения тела усопшего, замолвив словечко, где нужно, чтобы великого политэконома похоронили в достойном месте. С его связями это ему ничего не стоило.

– Жаль. Искренне, – выдал он равнодушным голосом и выехал в Париж, где организовал группу исследователей по совету почившего в бозе демографа. Он не стал вывозить этот исследовательский коллектив из Франции, но уединенность им обеспечил абсолютную, связав обязательствами и выплатив такие авансы, что лишних вопросов никто из них задавать не стал, все поняв, как надо. На одной из своих загородных резиденций «Толян-Перегар» создал им все условия для плодотворной работы и ученые-лингвисты, собранные в эту «шарашку», бойко взялись за дело, радуя своим энтузиазмом Заказчика. В замке Валансе, где в основном и проводил остатки своих дней Великий интриган всех времен и народов, им было отведено целое крыло дома с башней и доступ, даже домашним, туда был ограничен. Только сам Талейран, мог беспрепятственно заходить в помещения, где трудились «добровольные» затворники, призванные удовлетворить любопытство герцога. Однако в своих пророчествах оптимистичных профессор Мальтус и тут несколько оплошал, результатов внятных удалось добиться только через пару лет, а жизнь отпустила «Перегару» их всего четыре и он так и не успел узнать полностью, о чем же повествуется в загадочном тексте. Незадолго до его кончины он выслушал доклад руководителя группы изыскателей, из которого понял, что ему в руки попала техническая документация с массой спецтерминов, каковые ничего не говорят человеку не сведущему.

– Что за изделие? Для каких целей? В какой сфере? – герцог еще горел неугасимым любопытством.

– Как нам удалось понять, речь идет об изготовлении в промышленных условиях средств связи. Это что-то вроде семафора, но действующего на значительные расстояния. Для сего, прежде всего необходимо вывести на околоземную орбиту искусственный корабль, с коего и будет идти сигнал.

– Корабль? В космос? Я не доживу до таких достижений. Что еще?

– Еще есть описание и чертежи устройств, принципиальные схемы и рекомендации по их эксплуатации. Здесь много чего есть, мсье, но 90% терминов узко специфичны и нами не поняты. Это средство связи, посылает лучи на корабль, он их ловит и передает на другое устройство.

– И на сколько миль могут отстоять приборы сии друг от друга? – Талейран приподнялся на трясущихся ногах из кресла, так его заинтересовала эта информация.

– Достаточно далеко, мы полагаем, что миль сто-двести.

– О-о-о! Это великое изобретение! Продолжайте работать, мсье. Я распоряжусь, чтобы вам удвоили жалование, – «Перегар» пожевал губами, поправляя зубные протезы, и закончил: – Если «ЭТО» удастся прочесть полностью, то Франция получит такое преимущество перед прочими державами, о котором и мечтать не приходится. Связь на 200-ти миль. Это замечательно.

Незадолго до кончины в мае 1838-го года Шарль Морис Перигор передал все бумаги Королю Франции Луи-Филиппу Орлеанскому. Король удостоил его своим высочайшим визитом в ответ на письмо, в котором Талейран просил об этом.

О чем разговаривали эти люди в течение часа неизвестно, но король вышел от своего бывшего посла с лицом задумчивым, сжимая в руке саквояж, который понес сам, не доверив слугам. До 24-го февраля 1848-го года Луи-Филипп-1-ый, пытаясь сохранить династию Бурбонов, являясь представителем младшей ее ветви, жил в собственной стране, как в оккупированной. Пока не отрелся в итоге от престола и не эмигрировал в Англию. Там он поселился

в графстве Суррей со своим многочисленным семейством, улучшая демографию Великобритании. Или ухудшая – это с какой точки зрения посмотреть. Почил в бозе последний король Франции 36-ой по счету, в августе 26-го дня 1850-го года, никому из ближайших родственников так и не поведав, что за бумаги ему передал герцог Дино. Сыновья покойного, разумеется, внимательно перелопатили семейный архив, в надежде изыскать что-либо полезное для своих нужд и шкатулка с парой браслетов антрацитового цвета и рулон бумаги вложенный сюда же с толстым журналом, в который заглянув наследники чуть челюсти не вывихнули от зевков, их не заинтересовал. Безделица, правда, еще присутствовала непонятного назначения металлическая. Младший сын Антуан – Герцог де Монпансье, повертел ее недоуменно в руках, пытаясь понять, что это за побрякушка и придя к выводу, что, скорее всего, в руках у него сломанный медальон, швырнул его обратно. И закрыв шкатулку, задвинул ее на книжную полку, где она и простояла пару-тройку лет никому не интересная и не нужная. Династия Бурбонов, отстраненная от власти, расползлась по королевским дворам Европы и весь 19-тый век имена сыновей и дочерей Луи-Филиппа будут появляться в светской хронике газет, но их надежды на возвращение короны умрут, как и положено последними, не оправдавшись. Франция опираясь на предыдущий опыт века 18-го, пошла по тому же пути. Революция-Республика-Президент-Император. В этот раз весь этот путь, имея опыт прошлого века, страна проделала за четыре года, посадив в кресло Императора племянника Наполеона– I. Луи Наполеона– III Бонапарта – само собой. Этот Бонапарт унаследовал от своего дяди необузданное тщеславие и привычку держать руку согнутой за отворотом мундира. Более ничего. Абсолютная бездарность, как в политике, так и в военных искусствах. Однако «гайки закрутил» так, что население взвыло. Франция времен Второй Империи – это полицейское государство и управлял ею Император -Полицейский. Тут Наполеон– III проявил себя с самой наилучшей стороны. В том смысле, что не церемонился с недовольными его режимом и тюрьмы у него не пустовали. Работал в этом направлении не покладая рук. Восемнадцать лет просидев «на штыках», этот Император огромное значение придавал полицейскому аппарату, особенно политическому сыску и всячески его поощрял. Его министр тайной полиции и он же министр Внутренних дел Жан-Жильбер-Виктор де Персиньи покрыл всю Францию сетью секретных сотрудников /сексотов/ и постоянно имел под рукой списки всех неблагонадежных лиц в Империи. Кои изымались «из обращения» в нужное время, например, во время выборов. Чтобы не «мутили воду». Во время переворота в декабре 1852-го было таковых взято под стражу – 30-ть тысяч человек. Не оставлено без внимания было также ближнее и дальнее зарубежье. Шпионы буквально кишмя кишели во всех Европейских столицах. Наполеон– III мог гордиться ВиктОром, который раскинул агентурную сеть, где только возможно и держал руку, что называется «на пульсе». Наполеону– III, конечно же, не потянуть было самому такие расходы и такой полицейский аппарат, но у него были самые теплые отношения с главой банкирского дома семейства Ротшильдов во Франции, который открыл ему неограниченный кредит. Император не остался в долгу и возвратил все сторицей, обогатив Империю финансовую Ротшильдов, пожалуй, не меньше чем его дядюшка. В отличие от Наполеона– I, Наполеон– III не лез в конфронтацию с Великобританией, а всячески с ней дружил. В войну Крымскую ввязался против России вместе с Англией, например. Да и много чего еще. Суэцкий канал вместе делили, из Мексики долги выколачивали и в Китае слегка порезвились, «прикрутив» Индокитай. Недотепа и придурок по жизни, Наполеон сам ни на что способен не был, но зато был великолепной марионеткой. За что и ценили его по обе стороны Ла-Манша Финансовые Короли.

Семейство Бурбонов тем временем «чахло» в Англии в политической эмиграции, под бдительным оком министерства внутренних дел Франции, насовавшего в службу столько агентов, что их там, пожалуй, было большинство и наследники, почившего в бозе экс-короля, вполне могли не платить им жалованье на том основании, что одно они уже получали вместе с командировочными в ведомстве Персиньи. Король ушел в мир иной и агентура, вслед за

наследниками, так же произвела тщательную ревизию всех бумаг усопшего. Не оставив без внимания и злополучную шкатулку, заинтересовавшись ее содержимым и даже выдрал пару листов из журнала исследовательской группы /Талейрановской/. Персиньи Жан-Жильбер-Виктор, сам лично внимательно изучал все что касалось конкурирующей с династией Бонапарте фамилией и пару этих листков, приложенных к очередному донесению агентурному, перечитал несколько раз. Перечитал, закатил глазки и, будучи человеком практичным, и лишенным сантиментов, тут же побежал с ними к шефу – Финансовому Королю Ротшильду. Тот так же сразу оценил важность попавших ему в руки бумаг и, одобрительно потрепав министра полиции по эполету, произнес:

– Талейран, говорите, мсье. Великий плут был. Я им всегда восхищался. Немедленно подайте в отставку и отправляйтесь послом в Англию. Эти документы должны быть изъяты тихо, деликатно и в полном объеме. Купите, украдите, мне все равно как это вы, любезный граф, осуществите, но они должны лежать на моем столе в течение недели. Впрочем, у меня для вас есть еще масса поручений, не думайте граф, что послом быть занятие необременительное. Я передам вам нужные рекомендательные письма, и вы везде станете вхожи. Старайтесь, и мой кошелек всегда будет к вашим услугам, – Джеймс скривился в любезной улыбке.

– Сколько вы заплатите за эти документы? – с солдафонской прямоотой ляпнул граф-полицейский.

– Десять тысяч фунтов для начала, а там видно будет, мсье. Ознакомимся и оценим. Не оби-и-и-жу. Вы же знаете меня, я плачу за информацию щедро. Кто владеет информацией, тот владеет миром, экономия тут чревата последствиями негативными, – растянул толстые губы в улыбке банкир.

«Знаю я тебя выжигу», – подумал Персиньи, расплываясь в ответной лакейской улыбке:

– Десять тысяч, мсье, – это стоимость этих листков. Я так полагаю. Это будет справедливо. Мой агент доложил, что в наличии имеется тетрадь вот такой толщины – это страниц двести. Несложное арифметическое действие дает в итоге два миллиона франков, за меньшую сумму, какой резон мне снимать этот мундир и влезать во фрак, мсье?

– Что-о-о?! – возмутился барон-кассир. – Вы забываетесь, милостивый государь. Два миллиона!!! Как у вас только хватило духу произнести эту сумму нелепую? Да за два миллиона, мне эти бумаги преподнесет на подносе принц Альберт Саксен-Кобург-Готский. Принц-консорт, муж королевы Виктории. Все свои дела бросит, помчится в дом к Бурбонам, передупит их там всех собственноручно и вплавь через Ла-Манш с журналом этим в зубах во Францию примчится. Там всего-то 30-ть миль проплыть. И все время бегом, вы слышите, бегом будет бежать!!! – возмущение банкира было искренним, и Персиньи понял, что слегка «перегнул палку», поэтому сконфуженно потупился и согласился поменять мундир на фрак за «жалкие какие-нибудь» пятьсот тысяч.

От такого наглого торжища, который учинил министр, Джеймса Ротшильда чуть не «хватил Кондратий», банкир даже рот раскрыл, по-рыбы, захватывая воздух:

– Пятьсссот????!!! – наконец прошипел он змеей. – Жжжжалкие!!! Хорошо же, мссссье, вы платите за все, что я для вас сделал. Где бы вы сейчас были, граф, если бы я не подобрал вас? Книжонки бы пописывали скверные, вроде той идиотской про пирамиды, которые Египтяне древние /по вашему мнению/ строили в пустыне, чтобы Нил песком не заносило? Читал. Как же... Чуть не умер от смеха. Откуда такие бредовые фантазии? Забор из пирамид противопесочный, – барон фыркнул и презрительно уставился на министра.

– Хорошо, мсье Барон, согласен поработать за ... – Персиньи скосил плутовские глазенки на портрет Наполеона – III, ростовой в ботфортах, начищенных до зеркального блеска, в горностаевой мантии явно с чужого плеча и с таракаными усами, закрученными в два штопора, торчащими в стороны абсолютно неестественно... – за двести пятьдесят тысяч фунтов, – закончил он, подмигнув портрету.

– Пятьдесят и ни пенса больше. Может они вообще ничего не стоят? О чем мы вообще тут говорим, когда шкура еще бегаёт по лесу, мсье?– Ротшильд опять покровительственно потрепал по плечу министра внутренних дел.– Принимайтесь за дело. Письма рекомендательные получите у секретаря, Императору я сообщу, он против не будет. Поздравляю с новым приращением, граф.

– Весьма признателен, Барон,– Персиньи взглянул печально на портрет императора, замершего за спиной хозяина кабинета и, вздохнув горестно, пожал протянутую ему руку банкира.

Но человек предполагает, а Бог располагает, как известно и Персиньи, ушедший в отставку, только через год становится послом Франции в Англии и через две недели на стол Королю банкиров он бумаги не положил по причинам от него не зависящим. Опять вмешался «фактор сумасшедшей старушки». До «старушки», правда, все карты спутала начавшаяся Крымская война в 1853-м году, которая отвлекла всех видных политических деятелей от более мелких и несущественных проблем. Банкирскому дому приходилось работать по 24-ре часа, чтобы финансировать это предприятие всесторонне.

Армии союзников спешно перевооружались, переходя с гладкоствольных ружей на нарезные стволы. Сто тысяч винтовок требовались срочно для объединенных армий и кроме них само собой все сопутствующие товары. Амуниция, патроны, провиант. Война обещала стать для финансовых воротил великолепной кормушкой. Выдав займов почти на миллиард фунтов стерлингов, Ротшильды рассчитывали получить как минимум 30% процентов и если учесть, что стоимость поставляемых винтовок и прочего они устанавливали исходя из разумной достаточности, т.е. спекулятивно-завышенную, то каждый вложенный в войну фунт обещал вернуться, притащив с собой еще пару.

Являясь одновременно кредитором и Императора России Николая– I, Ротшильд мог рассчитывать на пару лет активных боевых действий. Злые языки того времени поговаривали, что «простуда» Николая– I в 1855 году и его смерть это совсем даже не случайность, а хорошо организованное убийство. Само собой, намекая на семейство банкирское, которое якобы и оплатило его. Злые языки на то они и злые, чтобы распространять небылицы. Николай– I умер, простудившись и огорчил этим более всего, как раз семейство Ротшильдов надеющихся на затяжную «войнушку». Какое предприятие! Просто пальчики оближешь, а главное гремит где-то у черта на куличках и спать совершенно не мешает, но работой при этом обеспечивает пол-Европы. Зачем спрашивается замышлять что-либо против одного из активных участников процесса? Это все равно, что вилку телевизионную из розетки выдернуть во время матча любимой футбольной команды. Война, к сожалению, продлилась всего пару лет. Занявший российский престол Александр– II, оказался миротворцем и немедленно согласился на все условия, которые ему были предложены в Вене, даже ключи от храма Гроба Господня в Вифлееме не стал требовать у Султана Абдул-Меджида– I, из-за которых формально и началась война с Османской империей.

Глава 2

Россия, со своими гладкоствольными ружьями и пушками, проиграла войну и вынуждена была пойти на все условия предложенные союзниками. В веке 18-том все эти Габсбурги, Виндзоры, Бонапарте и Романовы-Шлезвиг-Голштейн-Готторпские, то сбегались в очередные священные союзы, то опять разбегались, создавая немыслимые коалиции и Александр– III – папенька последнего российского императора, в конце концов сделал правильный вывод, что у России есть только два союзника – «Армия и Флот». А пока длилась вся эта свистопляска на Черном море, граф де Персиньи вынужден был заниматься вопросами более насущными и поездку в Англию отложил в качестве посла, числясь однако в отставке. Так было удобнее осуществлять общее руководство агентурной сетью, опутавшей всю Европу, Африку, Азию и Америку. Не было агентов только в Австралии и Антарктиде, поэтому глава внешней разведки мотался по городам и весям континента, инструктируя лично резидентуру и надоев своим «фейсом» контрразведчикам до тошноты.

– Опять этот ВиктОр путается у меня под ногами?– ворчал император Пруссии Вильгельм.– Везде его рыло вижу. Отто, что здесь делает этот мерзавец?

– Инспектирует резидентуру. Проявляет рвение, Ваше Величество,– презрительно усмехнулся Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк.– Весь Берлин набит французскими агентами.

– Арестуйте. Хотя нет, зачем же? Содержание каждого бездельника в тюрьме обойдется казне не в один пфенниг. Пусть пока гуляют и тратят жалование. Союзники как ни как. Но адреса выявить и держать под неусыпным наблюдением,– распорядился кайзер.

Агентов «подмели» когда война победоносно закончилась в 1855-ом и выставили за пределы Пруссии. Кайзер содержать шпионов за казенный счет не пожелал, а Жан-Жильбер-ВиктОр получил служебную «нахлобучку» от Императора и назначение послом в Лондон, куда и отбыл наконец-то в том же победном году.

Династия Бурбонов, потрепанная обстоятельствами, продолжала по прежнему проживать в замке Клермонт, принадлежащем королю Бельгии Леопольду– I. Леопольд являлся зятем свергнутого Бурбона и позаботился о тесте с семейством, благодаря которому он и стал королем. Долг платежом красен и Леопольд, получивший замок в виде приданого от английского короля Георга IV за женитьбу на дочери Шарлотте и не пользующийся им по причине скоропостижной кончины во время родов первой супруги, с удовольствием выполнил этот долг. Тем более что с Георгом-IV-м отношения у него, мягко говоря, не сложились родственные и не складывались с пришедшими ему на смену Викторией-I-ой и принцем-конкортом Альбертом – мужем королевы.

Король Соединенного королевства – Георг-IV не оставил после себя наследников мужского полу и будучи человеком несколько неразборчивым в связях, остался в памяти потомков как король, который противостоял во время своего правления Наполеону-I и как изобретатель правого и левого сапога. До него никто не додумался до этого, и надевать обувь можно было на любую ногу. Пожалуй, за это стоит и увековечить памятником, ведь если бы не этот сумасброд и пьяница, то человечество и по сию пору шкандыбало бы в обуви, изготовленной по усредненной колодке.

Граф Де Персиньи, прибывший в Виндзор и поселившийся в посольской резиденции, развил бурную деятельность, гоня резидентов, как «вшивых по бане» и приводя в изумление тайную королевскую полицию своей бесцеремонностью. Даже Премьер-министр лорд Пальмерстон заинтересовался суетой вокруг нового посла Франции, получив очередной доклад от секретаря, в котором это имя встретилось ему трижды.

– Что там за возня у французов вокруг Бурбонов?– спросил Генри Джон Темпл лорд Пальмерстон, отрывая взгляд от бумаг.

– Посол граф де Персиньи проводит инспекцию, надо полагать, на манер той, что он проводил в Берлине,– улыбнулся секретарь.

– Он что надеется, что я стану, как Бисмарк следить за всеми этими тараканьими бегами? Увольте меня от подробностей, Эдуард. Но при чем тут Бурбоны? Разве там остались неясности и претензии имущественные и юридические? Все так славно шло, пока не появился этот граф, которому не сидится спокойно.

– Претензий нет и никто их не высказывает, надо полагать, что посол просто муштрует своих сотрудников, чтобы они отработывали жалованье.

– Ну, пусть муштрует,– успокоился лорд Пальмерстон.– Присматривайте за ними в полглаза, мне не нужны скандалы рядом с королевской резиденцией. Пусть убираются вон, хоть в Бельгию и там сводят счета. Правительство готово оплатить переезд. Намекните послу Франции. Ненавязчиво, дружок,–

Персиньи деликатно намекнули, чтобы он несколько поубавил служебное рвение и перестал пугать премьер-министра Великобритании беготней сотрудников вокруг посольства Франции. ВиктОр понял все с одного раза, у него в памяти еще сохранились недовольно шевелящиеся усы Наполеона– III, которые тот чуть не выдрал в досаде, когда «промывал» ему мозги после провала всей резидентуры в Берлине. В результате подчиненные Персиньи перестали носиться по Виндзору с вытаращенными глазами, размахивая руками и пугая чинно перемещающихся обывателей. И только вокруг поместья Бурбонов шевеления продолжались по-прежнему. Конюхи, садовники, кухарки, получили команду срочно изъять нужные ВиктОру материалы и принялись задание выполнять. За прошедшие годы после кончины экс-короля, в замке были произведены некоторые переделки и реставрационно-косметический ремонт некоторых помещений, и это усложнило агентам задачу. Шкатулка нигде не обнаруживалась проклятая, как сквозь землю провалившись. Персиньи рвал и метал, но второй месяц тщательных обысков, которые горничные и служанки проводили с рвением необыкновенным, удивляя семейство экс-августейшее внезапным энтузиазмом, ничего не давали.

Ко всему еще и внук почившего экс-короля Шарля Луи-Филиппа и тоже Луи-Филипп, но Альберт эдакий недоросль семнадцатилетний, объявленный наследником престола и графом Парижским, начал совать свой длинный нос во все дела поместья. Живо интересуясь, что тут к чему и за какой надобностью горничная второй раз за неделю протирает от пыли корешки фолиантов в библиотеке.

– Насколько я помню, за последние пять лет никто этого не делал. В чем дело, мисс, откуда такое внезапное отвращение к пыли?– спросил он служанку, подкравшись сзади и гаркнув ей вопрос в розовое ушко. Горничная, повалилась с перепугу в обморок, проклиная тот день, когда согласилась пойти на эту службу. А его Высочество подхватил падающее тело и, уложив на диванчик, принялся заботливо обмахивать «потерпевшую» газетой, дожидаясь, когда она откроет глазки и сможет внятно ответить на поставленный вопрос.

– Ну, так в чем причина?– Альберт славился своей щепетильностью во всем. Он даже зубы чистил не все сразу, а каждый по отдельности, придумав для этого десяток различных щеток и заказав их лично для себя.

– Мсье, вы просто бываете здесь только летом, а мы всегда убираем тщательно. В прошлом году было дождливое лето, а в этом сушь стоит, вот пыль и налетает,– выкручивалась служанка, тыкая пальчиком в сторону окон, за которыми уже вторую неделю моросил противный мелкий дождь с утра до ночи.

– Это у вас «сушь» называется?– Альберт удивленно пялился в окно, пытаясь вспомнить, какая погода была в прошлое лето.– Тут всегда туманы и дожди, мисс. И прошлое лето от нынешнего ничем не отличается, разве что вас тут стало гораздо больше. Зачем вообще столько горничных наняла бабуля?– чесал лоб принц.

– Она не нанимала. Нас ей презентовал король Леопольд– I Бельгийский. Заботится о сохранности своего замка, мсье,– объяснила горничная, сползая с диванчика и устремляясь опять к книжным полкам.

– Вот как? Поэтому у нас и конюхов на конюшне больше чем лошадей,– сообразил Альберт.– Следят за сохранностью конюшни, чтобы ее не растащили на дрова соседи англичане. А садовников вообще я со счету сбился сколько. То ли десять, то ли пятнадцать человек. Вы не в курсе, мисс, сколько у нас в замке садовников?

– Садовников, мсье, всего один, остальные его помощники-рабочие.

– Их тоже дядюшка презентовал?

– Да, мсье, он. Очень великодушно со стороны его Величества,– подтвердила догадку принца горничная, смахивая пучком перьев пыль с книжных полок и протирая их аккуратно бархатной тряпицей. Делала она это сноровисто, со знанием дела, шаря взглядом по стенам в поисках тайничков и скрытых ниш, за вынимаемыми книгами.

– У меня такое ощущение, что вы что-то ищете, мисс,– не унимался зануда принц, наблюдая за работой служанки.– Спросите, может я знаю, где это лежит.

– Что вы имеете в виду, Ваше Высочество?– горничная надула губки бантиком.– Ничего я не ищу. Правда, здесь я помню, шкатулка стояла, а сейчас ее нет,– решила она все же слегка подыграть принцу.

– Какая шкатулка? Из мореного дуба?

– Кажется да, мсье.

– Ну, вы вспомнили, мисс, я ее еще в прошлом году увез в Бельгию, мне резьба приглянулась и я в ней храню оловянных солдатиков,– хмыкнул Альберт.

– Вот как?– удивилась горничная.– Но ведь там что-то хранилось, для этого она и была предназначена, Ваше Высочество.

– Журнал с каракулями на французском, рулон бумаги, три браслета грошовой и медальон без цепочки ни на что не пригодный, из скверного металла. Это все я отнес на чердак и в сундук швырнул, для хлама. Там есть такой, еще от первых хозяев остался. Король тут содержал свою пассию. Кажется русскую. Как же ее звали? Вспомнил – Ольгой Зубовой. Красавица была, говорят, и даже сын у нее от связи с королем образовался. А она глупенькая, возьми да и назови его Георгом. Ох, как это обстоятельство не понравилось папаше – Георгу– IV. Распорядился тут же отправить Зубову в Россию вместе с сыном. Денег, правда, не пожалел, дал много и жила в России мадам достойно. Сынок опять же вписался в российский высший свет вполне успешно. Женился удачно на княгине Щербатовой и в министерстве иностранных дел подвизался. Консулом в Персии служил, да вот незадача, заразился там черной оспой и отдал Богу душу до сорока лет не дожив самую малость.

– Как вы много знаете, мсье!– восхищенно всплеснула ручками горничная, уже не столь усердно борясь с пылью и приоткрыв ротик, лихорадочно соображая, как бы ей поскорее отвязаться от «прилипшего» к ней графа Парижского.

– Что тут знать?– Альберт снисходительно взглянул на белокурую служанку.– Просто память хорошая. Хотите, я вам почитаю стихи Шекспира? Я наизусть помню многие его пьесы. Вот, например, из «Гамлета» мне монолог принца нравится,– «Быть или не быть! Вот в чем вопрос!.. Забыться, Умереть...»,– горничная тоскливо скривилась и перебила размахивающего руками наследника, набравшись смелости:

– Прошу простить меня, мсье, но мне пора идти, дворецкий приказал быть ровно...– девица кинула взгляд на циферблат напольных часов, равнодушно цвиркающих шестеренками у стены напротив, стрелки подползали к пяти часам пополудню...– в пять часов в прачечной. Штопать постельное белье, мсье.

– Скажете, что я вас задержал, мисс,– Альберт, схватил за руку, пытающуюся улизнуть из библиотеки горничную и, притянув ее к себе, обхватил за талию.

Горничная взвизгнула, трепыхаясь в руках молодого графа и рванувшись, выпрыгнула из юбок, на которые тот «случайно» наступил. Мелькая белыми лодыжками и синими рейтузами, служанка с воплем выскочила вон, оставив наследника с идиотской улыбкой влюбленности на губах, стоящим на куче тряпок. А девица понеслась в свою комнату для прислуги, вереща и испуганно озираясь, очевидно опасаясь, что принц ее все же догонит и тогда за неимением одежды серьезной, ее «бастионы» вряд ли долго выдержали бы правильную осаду. Поэтому влетев в комнату, она закрылась на здоровенную щеколду и два крюка, только после этого переведа дух.

– Ишь заговорил зубы Зубовой – этой русской потаскушкой. Озорник этакий, – горничная прислушалась, не идет ли принц следом за ней по коридору и разочарованно скуксилась. – Слишком поспешно я ретировалась, – сделала она вывод. – И никто не попался навстречу, как назло. То не протолкнешься, а тут как вымерли все разом. Ни кто ведь и не поверит, что домогался граф, – вздохнула она:

– Кричала не достаточно визгливо, а бежала слишком поспешно, правильно мне твердила матушка в детстве, – «Сюзанна, не носись сломя голову, счастье упустишь», – пригорюнилась девушка и даже слезинку промокнула кружевным платочком.

– Зато знаю теперь, где содержимое шкатулки лежит. Нужно нынче же там все хорошенько обыскать и прибрать пока другие не опередили, – пятьдесят фунтов вознаграждения, обещанные начальством, практически уже лежали спрятанными в самом деликатном месте дамского туалета и наполняли жизнь Сюзанны радостным предвкушением. Она быстренько влезла в запасной гардероб, который превратил ее почти в монашку своими цветами и покроем. В платье этом Сюзанна ходила в церковь и там оно было в самый раз. Других туалетов у девушки не было и пятьдесят фунтов ей были нужны просто до зарезу. Юбки, конечно, в библиотеке, заботливо собранные принцем и разложенные на диване, она потом прибрала, но цена им была фунт не более, так что главное, что занимало горничную – это, конечно же, чердак, на который она и помчалась, не откладывая в долгий ящик сие действие, при первой же возможности. Каково же было ее разочарование, когда там она наткнулась на огромный ржавый замчище, нагло висящий в таком же ржавом засове. Сюзанна даже плюнула от огорчения.

– Придется делиться с дворецким, негодяй так просто ключ не даст. Обязательно пристанет с расспросами. Придется сказать про сундук с барахлом ненужным, в который принц сгрузил бумаги, – сморщила она носик и поплелась к дворецкому. Услышав от Сюзанны о сундуке с рухлядью, в который по ее словам выброшены нужные послу Виктору де Персиньи документы, дворецкий – родом из Австрии и даже с приставкой фон перед фамилией. Герр Эммануил Леопольд фон Франкенберг, побледнел и схватился за сердце.

– Что с вами, герр Франкенберг? – обрадовалась Сюзанна. – Вам плохо? Дайте ключи, я сама все найду.

– Нет там этого сундука уже, – прохрипел Эммануил, промакивая лоб и шею носовым платком.

– А где же он? – Сюзанна сделала круглые глаза и уставилась на дворецкого, приоткрыв ротик и высунув острый, змеиный язычок.

– Я распорядился прибраться там в позапрошлом месяце и весь хлам выбросить, – прокашлял немец.

– Весь, весь? – изумилась Сюзанна, вытаращив глаза еще больше и прикусив в досаде нижнюю губку.

– Ну-у-у, взглянул, конечно, мимоходом... – признался дворецкий – ... но ничего ценного не обнаружил. Старьевщик Джексон все утащил в свою лавчонку, – Эммануил солгал. Кое-что все же он из рухляди на чердаке себе прибрал. Канделябр бронзовый – почти целый, чернильный прибор из мрамора – слегка треснутый, медальон без цепочки почти... хрен его знает зачем предназначенный, но не ржавый... поэтому, /а вдруг серебряный/, ну и три черных

костяных браслета /а вдруг слоновая кость/. Все это валялось у дворецкого в его хоромах, на первом этаже замка, под кроватью.

– Что делать, что делать?– запричитала Сюзанна, одергивая монастырское одеяние.– Может к старьевщику сбегать? Вдруг он еще не успел ничего выбросить? Бумаги я имею в виду.

– Беги,– отмахнулся от нее Эммануил.– Коли найдешь, то мне и не нужно ничего, вся премия твоя,– и добавил, заметив радостную улыбку на лице горничной: – Ну, разве что угостишь бутылочкой бренди с шальных-то денег. Посидим, поворкуем. Я тебе про жизнь свою расскажу. Она у меня завлекательно складывалась порой. Жаль, что Бог талантами эпистолярными не наделил, обязательно бы книгу написал про свое житье-бытье.-

Сюзанна выскочила не попрощавшись из помещения прачечной, где дворецкий проводил инвентаризацию постельного белья и понеслась в лавку к старьевщику, совсем рядом находящуюся. Миль пять, если полями и огородами.

Старьевщик Джексон очень удивился, увидев запыхавшуюся горничную экс-королевского семейства, которая влетела в его лавчонку и, глотая слюги, принялась выспрашивать про хлам, который ему всучил дворецкий два месяца назад, содрав целый фунт за тряпки и бумажки. За сундук этот мерзавец содрал еще столько же. А когда старьевщик припер его домой, то оказалось, что замок у сундука сломан, а петли перержавели и вообще цена ему как вязанке дров. Которая из него и получилась в итоге,– «Замылил глаза, морда еврейская»,– с неприязнью вспомнил убыточную негоцию старьевщик,– «Ведь глядел там на чердаке и сундучище прямо несокрушимым мерещился, оказался весь жучком изъеденный. Вот ведь негодай. Колдун, не иначе. Жаль, что нынче их мерзавцев сжигать перестали. Хороший был раньше обычай. Не то, что нынче. Так и норовят объегорить»,– мрачно размышлял Джексон, слушая горничную.

– Чего надо, мисс?– перебил он ее на полуслове.

– Тетрадь там оказалась нужная. Сейчас молодой хозяин спохватился. И еще такой ролик бумажный, три браслета и металлический медальон без цепочки,– затараторила Сюзанна, более внятно.

– Не было там этого ничего,– отмахнулся Джексон.– Не-е, тетради были, много. Я их вон в тот угол свалил. Ищи, а браслетов и медальонов не видел. Только учти, мисс, я ничего за просто так из лавки не отдам. Это товар, коль оно мое тут и лежит.

– Сколько хотите?– пискнула Сюзанна расстроено.

– Два фунта чтоб и ни одного пенса чтоб здесь меньше.

– Да вы что-о-о!!!– взвыла горничная.– В своем ли уме-е-е??? Я что, себе что ли-и-и? Меня послали-и-и!!!

– Ну и я пошлю,– веско аргументировал старьевщик, усаживаясь на кучу бумаг в углу.– Два фунта или катись отсюда хоть в Париж.

– Да где я их вам, сэр, возьму немедленно-о-о-о!!! Нету у меня столько-о-о-о!!!– завывала Сюзанна, заламывая в отчаянии руки.

– Сколько есть?– живо заинтересовался ее платежеспособностью старьевщик-вымогатель.

– Десять пенсов есть. Хотите?

– Хочу, но этого мало. Остальные принесешь потом, а пока оставь-ка в залог что-нибудь. Вон колечко у тебя смотрю серебряное. У меня как в Швейцарском банке, не сомневайся, детка,– и не успела Сюзанна отдернуть руку, как уже колечко было сдернуто у нее с пальца и исчезло в кармане полосатого камзола Джеймса.

– Мамочкина память,– всхлипнула горничная и получила три здоровенных хлопка промеж лопаток, утешительных.

– Вот значит и не удержишься, коль память. Бери свою бумагу и проваливай за остальными деньгами,– старьевщик, пересел в плетеное кресло-качалку и принялся беззастенчиво

рассматривать Сюзанну, роющуюся в макулатуре. Мужчина он был еще не старый, лет пятидесяти или шестидесяти, а может и сорока. С первого взгляда не определишь из-за огромных бакенбардов и усов «а-ля– Наполеон– III». Волосной покров как-то размазывал очертания, но судя по цвету иссиня-черному усов, Джеймс был еще мужчина хоть куда. Правда, бакенбарды слегка побилло инеем, а на голове волосы отсутствовали, то ли выпав, то ли выбривал их старьевщик, но лысина эта делала его и вовсе роковым красавцем. И видимо не только у русских бывает, что ежели «седина в бороду, то бес в ребро», но и англичане той же напасти не избежали и «седина им в бакенбарды, а все тот же бесьяра в ребра». Джеймс прокашлялся и заботливым голосом осведомился:

– Ну, как там? Помочь может, мисс?

– Обойдусь,– проворчала Сюзанна, роясь в грудке бумаги, как курица в грядке.

– Могу чуток убавить цену, скажем в половину,– еще заботливее прокурлыкал Джеймс.

– С чего это вдруг, сэр? – Сюзанна заинтересованно повернула голову в его сторону.

– Отужинаешь со мной, проказница, и я весь твой,– расплылся в кошачьей улыбке старьевщик.

– Фи-и, больно надо. Я не голодна. У нас прилично кормят в усадьбе,– Сюзанна нырнула опять в кучу бумаги, еще активнее работая руками.

– А могу и вовсе задарма подарить, мисс,– Джеймса бес буквально бодал рогами в ребра.

– Ох, сэр, мне прямо не до разговоров,– отмахнулась от него Сюзанна.

– А если приплачу еще столько же?– Джеймса пробрало не на шутку. Бес уже не только бодался, но, похоже, принялся пинать его в ребра.

– Два фунта?– Сюзанна не прекращала грести.

– Два фунта, голубушка,– голос старьевщика налился теплом и лаской.

– Нет,– отрезала «голубушка», разочаровав старого ловеласа чрезвычайно.

– Сколько же вы хотите, мисс, назовите цену?– Джеймс отмахнулся от беса и, попав ему в поросычий пятак, заставил отскочить и забиться под прилавок.

– Много хочу, сэр. У вас столько нету,– Сюзанна нашла рулон бумажный и принялась рыться еще активнее.

– Много – это сколько?– Джеймс поскреб лысину и бес, выскочив из-под прилавка, радостно пнул его в бок.– Вот нечистая сила, привяжется же,– подпрыгнул в кресле старьевщик.– Сколько, мисс?– Сюзанна закатила глазки, пошлепала губками, что-то прикидывая в уме, видимо свои потребности на ближайшие несколько лет и озвучила: – Двести фунтов.

– Чего-о-о-о!!!– заревел медведем старьевщик и, вскочив из кресла-качалки, пнул ее ногой. Кресло крутнулось юлой, сбивая с копыт беса и отшвыривая его мелкого в грудку тряпья.

– Да за двести фунтов...– лысина у Джеймса сделалась малинового цвета.– За двести фунтов, я потерплю и сожру свой ужин сам, мисс.

– Приятного аппетита желаю, сэр,– Сюзанна выбрала несколько тетрадей и теперь пыталась определить, которая из них ей нужна.– Вроде бы толстая должна быть и на французском языке,– бормотала она себе под нос, шелестя листами. На ее счастье тетрадь на французском была только одна и она радостно улыбнулась, поправляя выбившуюся из-под шляпки прядь волос.

– Спасибо, сэр, я забегу завтра за колечком,– кивнула она Джеймсу и выскочила из его сарая с амбициозной вывеской «Колониальные товары». Сюзанна фыркнула презрительно, взглянув на нее, и помчалась обратно по пересеченной местности. Подбегая уже к усадьбе, она чуть не сбила с ног шагающего ей на встречу монаха в черной сутане с капюшоном, ведущего под уздцы лошадь пегой масти. Если бы он не схватил Сюзанну за плечи и не притормозил, то врезалась бы она со всего разбегу головой ему в грудь и может быть с ног-то и не сбила бы, но вот шляпку свою наверняка смяла бы в блин.

– Куда спешишь, красавица?– монах с улыбкой рассматривал девушку, не выпуская ее плечи из своих ладоней.

– Прошу прощения, преподобный отче, очень тороплюсь,– Сюзанна высвободилась из рук монаха и попыталась его обойти.

– Горит где-то?– поинтересовался тот и не думая посторониться, а кроме того, рядом с его плечом появилась лошадиная морда, с огромными глазами и уставилась на Сюзанну с совершенно человеческим любопытством. Девушке даже не по себе стало от этого взгляда.

– Не горит, но очень срочное дело,– Сюзанна шагнула влево и увидела еще одну лошадиную морду, буквально один в один похожую на первую. Эта морда тоже пялилась на нее и тоже с явным любопытством.

– Сколько у вас лошадей,– удивилась Сюзанна.

– Две всего. Одна моя, вторая вот брата Михаила,– Сергей, качнул головой в сторону и назад. Сюзанна приподнялась на цыпочки и увидела второго монаха в такой же сутане, как у первого. Михаил вышел вперед и, улыбнувшись, поздоровался:

– Здравствуйте, сестра, не подскажете ли, где тут находится посольство Франции?

– Здравствуйте,– присела Сюзанна.– Вы, преподобные отцы, не там совсем ищите – это вон за теми домами, миль семь по дороге, в сторону Виндзорского замка.

– А почему нет вывесок на зданиях? Мы проехали через этот Виндзор полчаса назад и не увидели ни одной.

– Зачем вывески?– Сюзанна наморщила лоб, пытаясь понять, чего хотят монахи.

– Чтобы встречных не спрашивать,– пояснил Михаил.

– Кому нужно все знают,– пожала плечиками Сюзанна.

– А скажите, сестра, вы из какого монастыря?

– Я не из монастыря, я в церковь ходила,– сконфузилась девушка, поправляя шляпку.

– Вы очевидно очень рьяная прихожанка,– сделал заключение Михаил.– Извините, если как-то вас обидел.

– Ну что вы, преподобный отче. Я рада была вам помочь,– искренне улыбнулась девушка.

– Вы ведь француженка, мадемуазель?

– Да, я в Англии по контракту в горничных у семейства экс-короля Луи-Филиппа, царствие ему небесное.

– Довольны местом?– продолжал спрашивать Михаил, почувствовав, что встреча эта не случайна.

– Довольна,– вздохнула Сюзанна.– Грех жаловаться. Кормят хорошо, и одежда входит в контракт.

– Вот эта?

– И эта, и еще есть. Я довольна, преподобный отче. Извините, мне пора,– Сюзанна опять присела и понеслась дальше, оставив монахов стоящими посреди улицы.

– Чует мое сердце, что не мешало бы нам поближе познакомиться с этим семейством экс-королевским,– Михаил смотрел в след удаляющейся девушке и ощущение, что мимо него что-то пронеслось важное, не покидало его.

– Влез бы в извилины к мадемуазель, да и узнал бы все про семейство это,– проворчал Сергей, садясь верхом.– Куда?

– С Персиньи знакомиться. Вот у кого в мозгах с удовольствием пороюсь.

Порыться в мозгах Персиньи в этот день Михаилу было не суждено, по причине отсутствия носителя этих мозгов в здании посольства. Отбыл по срочным делам в Лондон.

– Когда будет неизвестно. Завтра приходите, мсье,– привратник-консьерж смерил монахов высокомерным взглядом.– Мсье посол принимает только по рекомендациям и подавших прошение о сем заблаговременно.

– Куда подать? И как долго ждать?– Михаил ответил взглядом не менее вызывающим, бесцеремонно уставившись в глаза консьержа.

– Этого я не знаю. По почте пошлите. Адрес на здании имеется,– консьерж сделал шаг назад и прикрыл высоченную дверь с завитушечной резьбой. Но он недооценил настойчивости просителей припершихся так не кстати и оторвавших его от любимого занятия – раскладки пасьянса.

Колокольчик над входными дверями снова затрепыхался, заставив консьержа вспомнить черта, и когда он снова открыл дверь и увидел все тех же монахов, то не выдержал и совсем уж не любезно осведомился.

– Ну, что там еще?

– Всего два вопроса, мсье Цербер,– нагло ухмыльнулся один из монахов.– Скажите, если я внесу в ваш бюджет вот этот луидор, то смогу ли рассчитывать на то, что наша аудиенция с послом состоится тотчас же, как он объявится?

Консьерж, услышавший явное оскорбление, открыл было возмущенно рот, но увидев монету, сразу про «цербера» забыл и поклонился с таким изяществом, что Михаил даже ткнул Сергея в плечо, показав большой палец.

– Запишу в книгу посетителей самым поздним числом. Мсье Посол у нас недавно назначен на эту должность, всего месяц, вот тем числом и запишу,– консьерж снова поклонился, одновременно выхватывая золотой из руки монаха, и расплылся в такой благодушной и ласковой улыбке, что казалось в следующую секунду непременно кинется на шею и примется обнимать монахов-благодетелей.

– И второй вопрос, мсье очарование. Когда Посол прибудет из вояжа?

– К ужину непременно обещался быть. Да вы не беспокойтесь, преподобные отцы. Если за дело взялся Фердинанд Мердершёнтайлсбаубаухер, то считайте дело ваше в шляпе.

– Мердер... кто? Простите, не расслышал,– Сергей уставился на второго в его жизни человека, фамилия которого внушала уважение своей длиной и содержанием.

– Мердершёнтайлсбаубаухер,– отчеканил Фердинанд, снова гордо задрав нос истинно арийский.

– Красавец убийца? Ну, что ж, бывает,– пробормотал Сергей.– Приятно было познакомиться. Когда нам сюда заглянуть, герр Мердершён?

– Завтра, мсье. В 9-ть часов прием у Посла.

По-прежнему моросил мелкий дождь, то утихая, то снова налетая мерзкой взвесью и монахи, не сговариваясь, отправились в ближайшую корчму, примеченную ими.

–Беер,– прочитал Сергей над входом.– Пивнуха. Может, накормят чем-нибудь? Пудингом или овсянкой.

– В пивной? Сомневаюсь. Может, поищем гостиницу? Вон вроде бы на том углу отель.

– Какой нафиг отель? Цирюльня это с аптекой, я, когда мимо проезжали, запомнил. Ты вообще по сторонам смотришь?

– Смотрю, но этот дождь поганый. Хоть «Завесу» включай. У меня уже носки даже промокли.

– Останови. Ты же умеешь.

– Хрен вот. Пробовал. Перестает минут на пять, а потом еще пуше. Место тут какое-то непонятное. Вроде бы не аномальное, но что-то как будто норовит помешать. Может «шестерка» где-то рядом?

– Сканером проверял?

– Проверял, но бестолку.

– Значит, нет их поблизости.

– А вот это уже нельзя утверждать однозначно. Эти сволочи учатся, прямо со скоростью немислимой, прятаться. Вон, может быть, тот долговязый джентльмен в кармане их тащит, а

сканер молчит,— Михаил кивнул в сторону пробегающего мимо англичанина.— Ишь как спешит, будто за ним с собаками гонятся. И баул прет увесистый, вцепился будто спер на вокзале и от полиции в бега подался,— Михаил не угадал, мимо пробежавший герр Эммануил Леопольд фон Франкенберг, саквояж не спер — это был его собственный и от собак он не убегал. Теперь уже бывший дворецкий, срочно спешил в посольство, чтобы сдав все дела /и документы принесенные Сюзанной/, получить расчет и в этой конторе. Эммануилу срочно нужно было попасть в Австрию, где на смертном одре, лежал его батюшка — герр Леопольд Соломон Франкенберг — банкир и меценат. Письмо, полученное два часа назад, призывало его получить посмертное благословление и выполнить сыновний долг. А вот насчет СТН-а Михаил не ошибся. Бережливый Эммануил прибрал непонятный медальон вместе с браслетами, канделябром и треснутым слегка чернильным прибором. Все это просвистало мимо со скоростью дилижанса, громыхая каблуками башмаков по булыжникам, и скрылось за посольскими монументальными дверьми.

— Француз видать. Может зарплата у них сегодня, вон еще двое следом бегут. Кстати, девица-горничная, уже нам знакомая. Шустрая, однако, барышня. Уже переодеться успела и явно семь миль пехом перлась. Точно жалованье сегодня выдают, зуб даю и век воли не видать.— Сергей взялся рукой за дверную ручку пивной.— Смели с ног этого Мердера. Может, подождем и расспросим что за ажиотаж?

— Давай Филю пошлем, пусть все разнюхает. Надоело уже мокнуть под дождем,— Михаил свистнул и Филя, выскочив из рукава сутаны, запрыгал по крупу Верки.

— Слышал?

— Ес, сэр.

— Давай,— Филя выписал круг почета над головами монахов и исчез на уровне крыши посольского здания.

Глава 3

Пивная Михаилу не понравилась сразу, как только он в нее вошел, брякнув колокольчиком над дверью. Сумрачно, сыро и воздух пропитан кислым запахом перестоявшего свой срок пива. За стойкой возвышался, очевидно, хозяин пивной в высоченной медвежьей шапке королевской гвардии. Возможно, что служил там когда-то и теперь грел ей свою мерзнущую лысину. На носу у него торчало пенсне, и занимался он в этот момент подсчетами чего-то на счетах, раздраженно щелкая костяшками. Очевидно убытков, которые наносила заведению дождливая погода.

– Добрый день, сэр,– Михаил откинул капюшон и огляделся в надежде увидеть камин и желательно в рабочем состоянии. Камин был, но его широченный зев, чернел на фоне мрачной стены угольным квадратом.

Хозяин взглянул на посетителей поверх стекол и кивнул шапкой:

– Пиво кислое, господа монахи. К пиву могу предложить сосиски вчерашние и рыбу вяленую. Более ничего нет. Увы,– простонал он и зевнул с подвыванием, встряхиваясь всем телом.

– Хорошо. Подайте рыбу и хлеб. Пиво у нас свое. И камин разожгите, сэр,– Михаил подошел к камину и присел рядом с ним за дубовый стол. Сергей, молча сел рядом.

– Уголь кончился, господа,– застонал хозяин, сползая со стула и поправляя на плечах, брошенный на них камзол.

– Как это нету? А это что?– Михаил ткнул пальцем в кучу угля, сваленного рядом с камином.– Лгать – грешно, сэр. Да еще так неуклюже,– хозяин удивленно вытянул шею, выходя из-за стойки и направляясь в их сторону.

– Что за чертовщина?– уставился он на брикеты древесного угла.

– Несите рыбу, а камин мы сами растопим,– Михаил схватил совок с витой ручкой и принялся засыпать топливо на решетку камина.

– Э-э-э, сэр. Так, как вы навалили оно не загорится,–заволновался хозяин.– Нужно сначала пару лучинок запалить, потом подкинуть полешко покрупнее, потом бревнышко, а уж потом сыпать уголь. Это искусство, преподобный. Это вам не мессы высвистывать.

– Ничего. С Божьей помощью и так загорится,– Михаил брякнул совком по чугунной решетке.

– Держу пари, сэр монах, что эдак вы такую кучу и за час не запалите. Ставлю мою шапку против вашей сутаны,– презрительно хмыкнул хозяин.

– Согласен,– подмигнул ему Михаил.– Несите рыбу и если вернетесь с ней, а камин еще не будет гореть, то я кроме своей сутаны еще и сутану своего собрата добавлю и вдвойне заплачу за рыбу,– договорить не успел, а хозяина уже вымело вон.

– Стимул – величайшее изобретение,– улыбнулся Михаил, щелкая пальцами. Огонь полыхнул так, будто на уголь плеснули ведро керосина. Пламя загудело, охватывая всю кучу, и когда физиономия красная пивника, в лохматой шапке, появилась через минуту у стола, то он чуть не выронил на пол содержимое двух оловянных тарелок, которые держал на вытянутых руках. Сергей заботливо перехватил их у него из затрясшихся рук, поставил на стол и, сняв с его головы медвежью шапку, бросил на свободный стул.

– Поздравляю, сэр. Вы проиграли пари.

– Невероятно! Как это вам удалось? Чертовщина!– вытаращил глаза хозяин корчмы.

– Элементарно, Уотсон. Элементарная физика, сэр,– Михаил вынул из подорожной сумы здоровенную бутылку с пивом и, откупорив ее, плеснул в глиняные кружки.

– Вы знаете, как меня зовут? Мы знакомы?– хозяин озадаченно скреб розовую лысину. Его тщательно-выбритое лицо изумленно перекошилось.

– Ну что вы, сэр. Я не знаю вас. Я только могу предположить, что вы, например: служили в королевской гвардии, сейчас в отставке. У вас трое детей. Три дочери. Сегодня они в Лондоне. Вы вдовец уже два года как, любите бывать на скачках и обожаете овсянку. Ну и что еще сказать о вас? В детстве вы болели корью, ветрянкой и свинкой, на службе вас весьма ценили за расторопность и сообразительность, имеете медаль за выслугу, а когда вам было 10-ть лет, то вас укусил соседский дог за... извините верхнюю часть левой ноги. Ну, еще вы не любите сквозняков, дождь, пьяных матросов, распутных женщин и дразнящихся конопатых мальчишек. Зато любите кроме скачек, заключать пари и однажды выиграли целый фунт, побившись об заклад с сослуживцем, что выпьете ведро пива одним махом.

– Но откуда? Сэр? Я никому, никогда таких подробностей о себе не рассказывал. Откуда вам все это обо мне известно?– совершенно опешил от такого потока конфиденциальной информации Уотсон-корчмарь.

– Элементарно, сэр, – метод дедукции. Нужно уметь видеть и делать выводы из мелочей, сэр.

– Где, где тут такие мелочи, из которых вы сделали эти заключения? Мои три дочки?– Уотсон всплеснул изумленно руками.

– Это проще всего. Вон на том портрете разве не вы с семейством? – на одной из полок бара, стоял портрет в рамке, почти развернутый к стене изображением.

– Я сделал заключение, что раз портрет стоит здесь, значит, вы овдовели и утешаете себя изображением супруги. Но раз недостаточно печальны, то это случилось года два назад. Через годик вы и вовсе уберете портрет отсюда, полностью излечившись от скорби.

– Ну, хорошо, а что дочери в Лондоне – это откуда видно?

– Тоже довольно просто. Раз их нет здесь, значит они в отъезде. Наплыва посетителей нет, и вы их отпустили с легким сердцем. А тишина у вас стоит такая, что слышно даже, как кот ваш хромает по кухне. Это вы, сэр, сегодня невзначай наступили ему на ногу. Вон поколдыбал.

– Ну, хорошо. Отпустил. А почему непременно в Лондон вы решили?

– А куда же еще, сэр? Куда мечтают попасть девицы в этом возрасте? В магазины и салоны мод. А где они?

– Угадали.

– Выпейте, сэр, кружечку с нами за компанию и заберите вашу шапку, нам она без надобности, а для вас почти реликвия,– улыбнулся Михаил, наливая Уотсону пива.

– Ну, разве что из уважения к вашим выдающимся умственным способностям, сэр. Пожалуй, не стану отказываться. Вам бы в тайной полиции с эдаким-то даром карьеру делать.

– Нет уж, увольте. Я свое поприще выбрал и не сожалею. А это так – игра ума. Любой сможет, если постарается и будет внимательно наблюдать за предметами его окружающими.

– Ну, не скажите, как же любой. Вот ваш спутник, пожалуй, так не сможет и я тоже. Нет, сэр, у вас определенно талант,– замахал решительно руками Уотсон.

– Напрасно вы обижаете моего спутника. Его кстати зовут Серж, ну а меня Мишель. Мы из Франции, проездом, по монастырским делам.

– Весьма, весьма. И что мсье Серж, тоже может дедукционностью удивить?

– Легко, сэр. Серж, поясни Уотсону, как я догадался, что он служил в королевской гвардии.

Уотсон замахал руками протестующе.

– Это не нужно. Это любому видно по шапке, а вот что я выиграл фунт, ну-ка...

– Серж?

– Нет проблем. То, что вы спорщик заядлый это понятно стало сразу, как только вы поставили свою папаху против рясы. То, что любите пивко, тоже понятно, раз этим бизнесом занялись. И обязательно спорили неоднократно на количество и скорость. Лет вам примерно пятьдесят и за взрослые, пивные так сказать годы, наверняка пришлось хоть раз, но заключить

пари на ведро пива. А в связи с тем, что количество довольно изрядное, то меньше чем за фунт мучиться бы вы не стали. Габаритами вас Господь не обидел и сразу понятно, что пари вы это выиграли.

– И только-то?– разочарованно протянул Уотсон.

– Вот видите как все просто, любой сможет. И вы тоже. Например, как думаете, откуда я узнал про ваши болезни в детстве?

– Да уж это действительно любому понятно. Кто же в детстве этими хворями не переболел?– заулыбался хозяин пивной, выливая в щербатый рот халявное пиво.

– Вот видите? А вы «тайная полиция».

За разговорами о дедукции пиво и рыба закончились быстрее, чем любопытство хозяина.

– Давайте я вам стейк свежий сварганю,– предложил Уотсон, сдвигая королевскую папаху набекрень.

– А вас это не затруднит?

– Все равно посетителей нет, да я и сам признаться проголодался. Пиво у вас замечательное. Разобрало. Что за сорт?

– Велкопоповицкий КозЕл. В Чехии проездом закупили.

– Чехия? Это где же страна такая?– Уотсон рассматривал этикетку на бутылке, с козлиной мордой.

– Это рядом с Пруссией и наискосок от Австрии,– сориентировал Уотсона Михаил.

– Австрию знаю. Там свиней выращивают. Ну, побежал на кухню,– хозяин помчался жарить мясо, весело мурлыча что-то себе под нос.

– Во, завелся джентльмен. Может водкой его русской угостить? Не пил ведь наверняка ни разу в жизни. Будет что внукам рассказать, если доживет,– Сергей вытащил из сумы еще одну бутылку пива.

– Этот доживе-е-е-т. При таком оптимизме. Пожалуй, и до правнуков, если к водке не приучать,– взглянул на друга с укоризной Михаил.

– А что водка? Можно подумать, что если он сегодня грамм пятьсот хряпнет, то сразу в алкогольную зависимость впадет.

– Если он пятьсот хряпнет, то «кони двинет» с непривычки. Думай что говоришь.

– А, ну да. У них же тут иммунитет гнилой на островах. Это от погоды. Как они тут живут в этой слякоти постоянной?– вздохнул Сергей сочувственно.

– Нормально живут. Нам просто не повезло с погодой. А вообще тут половина дней в году солнечных. Больше чем в Питере. Как вот мы там живем?

– Сравнил. У нас все равно лучше.

– Ты какое время имеешь в виду?

– Да любое. У нас всегда было лучше, чем в Англии. Вот они от зависти и норовили всячески нагадить России. Сидят тут в тумане, как ежики и завидуют.

– Сам ты ежик. Британское соединенное королевство размерами самое большое в мире было. Больше чем Российская Империя. Чего им завидовать? Лаптям нашим? Это наши дво-ряне норовили сюда свалить и поселиться. У кого не полистаешь биографию из знаменитостей, обязательно здесь подолгу околачивались или мотались сюда постоянно. Королева ихняя Виктория нарожала десять дочерей и всех замуж поотдавала за королей и царей, так что ее в конце 19-го века называли «Бабушкой всей Европы». Бабушка нашего последнего императора Николая второго. И бабушка Вильгельма. Кузены перегрызлись в Первую Империалистическую между собой. Кстати Георг Пятый, тоже кузен нашего последнего царя, был похож на него как брат близнец. Я когда его портрет увидел, глазам своим не поверил. Вылитый Николай Второй. Так что война Первая Мировая была семейными разборками. Перегрызлись внуки королевы Виктории. Семья можно сказать миром владела. Виндзорский клан. Вот никак я этого понять не могу. Собраться имели возможность и договориться вполне по-домашнему.

Нет, блин, нужно миллионы людей одеть в мундиры и погнать в атаку. Это Вильгельм там воду мутит, любимый внук королевы Виктории. Она у него на руках умерла, но любя, тем не менее, ни черта ему не оставила существенного. Вот он и взъелся на всех остальных. Особенно на дядюшку своего, который на трон после мамули Виктории уселся. Эдуард Седьмой – «Дядя всей Европы». А тот Вильгельма тоже недолюбливал. Наверное к мамуле ревновал. Набили бы друг другу рожи и всех дел. Нет, они мило улыбаясь, Мировую бойню устроили.

– Свел всю политику к семейным разборкам? А как же жидомасоны? Они же тут шустрят и сеют плевела.

– Полная хрень. Если бы семейка не перессорилась, то задушили бы они этих масонов в момент. Грызлись между собой, никакие другие силы в расчет не принимая. А они зрели, и когда Вильгельм решил использовать против России, джина большевистского, выпустив из бутылки, то потом хрен его удалось обратно загнать. Ну и покатилося по миру. Почти вся семья пострадала, с тронов вылетев.

В 21-ом, пожалуй, одна Англия еще может монархией называться, да и здесь символически. Банкиры правят, захватив власть в парламенте. Скупили должности. Посадили везде своих людишек и рулят. И так во всем мире. Мировое правительство нороят на шею всему шарикку посадить,-

появившийся Уотсон с улыбкой на лице и подносом в руках, прервал разговор. И одновременно с ним, звякнула колокольчиком входная дверь, впуская уже знакомую монахам горничную в компании с верзилой двухметрового роста. Уотсон выставив поднос на стол, кивнул монахам, мол, разберетесь где что и поспешил навстречу новым клиентам.

– Пиво кислое слегка, темное зато и рыба вяленая, господа,- перечислил он новым клиентам меню заведения.

– Давай пару пинт и поживее,- пробасил спутник Сюзанны, поддерживая ее под локоток и провожая к столу. Рядом и расположились. Видать тоже решили погреться у камина, тепло от которого разливалось по пивной уютными волнами.

Кивнув монахам, как старым знакомым, Сюзанна села на стул и подперев кулачком подбородок, мрачно уставилась на своего спутника, развалившегося напротив.

Здоровяк буквально был переполнен здоровьем и молодостью от пяток до макушки. Румянец во все щеки, шевелюра «а-ля Карл Маркс» и здоровенные кулаки, как две кувалды, наводили на мысль что в этой парочке, он выполняет функции силовые.

– Что делать-то теперь? – горничная задала этот вопрос риторически или самой себе скорее всего, судя по интонации. Но ее спутник по простоте душевной, отнес его в свой адрес и тут же ответил с простотой же деревенского дурачка.

– Что. Поймать и ноги на два узла завязать. Вытряхнуть деньги наши и пусть ползет себе.

– Помолчи, Гарри. Где ловить? Он уж пади через Ла-Манш плывет.

– Не умеет плавать Эм, я точно знаю. Значит на берегу еще. Судно ищет. Следом нужно за ним и ловить, а потом завязать узлом ноги и деньги наши вытрясти,- Гарри подмигнул подруге, дескать, "не бойся, детка, со мной не пропадешь".

– Что ты заладил,- «Наши деньги, наши деньги»? Мои деньги. Твои там пять фунтов за помощь,- осадила Гарри Сюзанна.

– Пять это, когда ты меня из конюшни вызвала и предложила прогуляться до Виндзора, а до Ла-Манша за пять мало. Теперь уже десять,- возразил ей Гарри, демонстрируя, что не такой уж он и дурачок, каким с первого взгляда кажется.

– А если не догоним? Тогда как?– уставилась на него Сюзанна удивленными глазами. Очевидно, ее удивила предприимчивость неожиданная конюха Гарри.

– Должна будешь, Сью. Отдашь помаленьку с жалованья. Я что зверь?– успокоил девушку соратник по погоне за деньгами.

– Вот как? Я к нему всем сердцем, а у него расчет тут математический,– Сюзанна сверкнула гневно глазами.– Все мужчины одинаковы! Вам бы только сесть женщинам на шею!

– Не-е-е-т, Сью, я не такой. За всю жизнь ни у одной женщины на шее не сидел. Если я тебе на шею сяду, то ты и шагу не пронесешь, упадешь и дух из тебя вон,– Гарри ласково потрепал подругу по щеке, ладонью, размером с хорошую совковую лопату. «Лопата» нежно, как показалось Гарри, похлопала по лицу Сюзанну, будто она лошадь в стойле, но девушка восприняла это как три оплеухи, и чуть не упав со стула, вцепилась в стол:

– Ты что, увалень? Убери от моего лица свои клешни. Синяк же будет,– зашипела она рассерженной кошкой, оглядываясь на монахов.– Простите, преподобные, – этот олух сил своих не соразмеряет. Не подумайте, не дай Бог, что он меня прилюдно хлещет по лицу.

– Мы понимаем, мисс,– Михаил сочувственно улыбнулся девушке.– Можем ли мы чем-то помочь?

– Что вы можете, святые отцы, сидите уж. Мы и без вас как-нибудь разберемся с нашими делами,– влез с репликой конюх.

– Да, преподобные, он прав. Сами разберемся,– поддакнула Сюзанна.

– Напрасно отказываетесь от помощи, мисс. Вам ведь догнать кого-то срочно нужно? А у нас лошади. И не самые плохие,– Сергей тоже улыбнулся девушке и подмигнул Гарри, которого от такой фамильярности буквально подбросило от возмущения на стуле.

– Что, братья монахи, подзаработать решили на чужом несчастье? Не пройдет у вас этот номер. Тут я решаю, кому куда скакать,– буквально заорал он.

– Ну да, сядете на шею девушке и поскачете. Вон уж и десять фунтов требуете. А как с совестью? Есть, или на конюшне осталась?– Сергей насмешливо взглянул на Гарри.

– Повтори-ка!– конюх начал приподниматься со стула, деловито засучивая рукава.

– Крутой парень?– Михаил кивнул Сергею на встающего Гарри. – Я, пожалуй, выведу его проветриться,– Сергей поднялся и, хлопнув в ладоши, сгреб конюха и забросил на плечо. Затем живо прошел к входным дверям и, распахнув их, сгрузил ношу, пытающуюся размахивать руками, на мокрую от дождя брусчатку. Здоровяк, не привыкший к такому бесцеремонному обращению, кинулся было в драку, но получив легкий тычок в плечо, изменил направление прыжка и понесся по инерции вдоль стены пивной, размахивая руками и выкрикивая проклятия.

– Вер, проводи джентльмена конюха до околицы,– распорядился Сергей, возвращаясь в пивную и захлопывая за собой дверь. «Троян»– Верка, обрадовано оскалилась, продемонстрировав снежной белизны зубы и поклацала ими, как кастаньетами у самого носа, попытавшегося двинуться в сторону двери Гарри. Конюх, который всю жизнь провел на конюшне и знающий /по его мнению/ о лошадях все, как зачарованный уставился на эти зубы, щелкающие перед его лицом совсем не по лошадиному. Все что произошло потом, он будет вспоминать с коленной дрожью и нервным тиком сразу на оба глаза. Лошадь рывкнула прямо в его вытаращенные глаза.

– Слыхал, что велено-о-о? Пшел во-он!– при этом ткнула мордой в плечо, разворачивая Гарри к себе спиной и пнула под зад коленом сильно, но аккуратно, так, что конюх, пролетев с визгом метров двадцать, вынужден был, приземлившись, бежать со скоростью для его комплекции не свойственной. Впрочем, не свойственной для любой комплекции.

– Хорошо пошел, низко – дождь потому что...– одобрительно закивала головой Лерка.– Километров 80-ть набрал со старта. Метров на двести хватит. Следом побежишь?

– Вот еще. Он уже до околицы домчался. Бегать за ним еще...– фыркнула Верка презрительно.

Широкая спина Гарри едва просматривалась в отдалении. Он лихим зигзагом обошел справа дилижанс,двигающийся в том же направлении и кучер даже привстал удивленно, когда мимо экипажа, пролетел метеором конюх огромными скачками. Говорящая лошадь и богатыр-

ский пинок, произвели на Гарри впечатление, очевидно, такое неизгладимое, что добежав за 15-ть минут до «родной» усадьбы, он влетел в конюшню и запрыгнул на сеновал, где забился в сено и только через пару часов осмелился выглянуть оттуда. Убедившись, что лошади, в которую вселился дьявол, поблизости нет, Гарри спрыгнул с сеновала, чуть не сломав ногу. Если бы ему сказали, что на такую высоту можно запрыгнуть с разбегу, еще три часа назад, то он бы наглому лгуну врезал в челюсть. Теперь же высота в четыре метра ему совсем не показалась достаточной, для того чтобы обеспечить человека безопасностью. Что за высота? Прихрамывая на ушибленную ногу, Гарри подкрался к воротам конюшни и осторожно выглянул во двор. Двор был пуст. В том смысле, что лошадей там не было. Ходила дворня по своим надобностям, бродили куры и гуси. Лошади отсутствовали и Гарри, присев у ворот, затрясся в истерическом смехе.

– Гы-гы-гы. «Слыхал, что велено». Гы-ы-ы-ы-гы. Ик, – пробрало конюха, столкнувшегося впервые в жизни со сверхъестественным явлением.

Выпроводив конюха, Сергей подсел к Сюзанне.

– Прошу прощения, мисс, но ваш Гарри, сам напросился. Вел себя неадекватно.

– Как вел?

– Не по-христиански, мисс, – терпеливо пояснил ей Сергей.

– Он не мой. Гарри – конюх и я попросила его помочь получить деньги – 50 фунтов, которые должен мне наш дворецкий. Он сегодня уволился и отправился в посольство, чтобы получить расчет. А меня не предупредил. Случайно узнала. Сбежал с моими 50-ю фунтами, – Сюзанна горестно всхлипнула и промокнула носик кружевным платком.

– Негодяй, – посочувствовал ей Сергей.

– Нет, сэр. Он вежливый, просто письмо поучил из Вены. Отец у него помирать собрался. Вот видимо в горе-то и забыл про меня, – Сюзанна вздохнула, выдавила из глаз еще пару слезинок и снова полезла за носовым платком за отворот рукава.

– Мисс, не имею чести знать ваше имя. Мы монахи – Серж и Мишель, его я вам представлял, а вас Гарри называл Сью. Как будет полностью?

– Сюзанна, – вздохнула опять девушка, промакивая платочком глаза. – Что теперь делать? А я еще и должна два фунта старьевщику – старой облезлой обезьяне, – пригорюнилась горничная. – Колечко у него в залоге мамочкино.

– За что же «обезьяна» колечко взяла в залог? – Сергей сочувственно погладил Сюзанну по плечу.

– За тетрадку, – Сюзанна принялась рассказывать про задание полученное от посла Персиньи и про то, как она его выполняла вместе с остальными слугами экс-королевского семейства. И почти выполнила.

– Рулон бумажный?

– Да, сэр, – кивнула головкой все в той же шляпке горничная.

– Присаживайтесь за наш столик, мисс. Хозяин заведения только что приготовил чудесные стейки, надеюсь. Подкрепитесь, а мы подумаем, как вам помочь, – Сергей помог встать Сюзанне и она пересела за их столик, усевшись на предложенный ей стул.

– Попробуйте чешское пиво, мисс, – Сергей наполнил кружку и подвинул девушке свою тарелку с мясом. – Вы, я смотрю, сегодня весь день на ногах. Кушайте. Уотсон, прибор даме. Мишель, как думаешь, сможем мы чем-нибудь помочь мисс Сюзанне?

– С удовольствием причем, – живо откликнулся тот, подмигнув девушке, которая орудовала ножом и вилкой с энтузиазмом неделю голодавшего человека. – Предлагаю взять эту проблему на себя. Я имею в виду сбежавшего дворецкого. Как там его величают?

– Эммануил фон Франкенберг, – Сюзанна понюхала пиво и, сделав пару глотков, снова принялась за мясо.

– Эммануил. Мы его догоним непременно. Более того, мы избавим вас от участия в этом преследовании.

– Как же без меня?– растерялась девушка.

– Мы вам отдадим ваши 50-т фунтов немедленно, а получим их с Франкенберга фон Эммануила.

– Он вам не поверит, сэр,– замотала отрицательно головкой Сюзанна.– Непременно мне нужно присутствовать. Скажет, что не должен, скажет, что знать меня не знает и еще Бог знает что наговорит.

– Не беспокойтесь, мисс Сюзанна. С нами такие номера не проходят. Отдаст все и, еще будет уговаривать, чтобы взяли. Мы же слуги Божьи, как же он может посметь лгать нам?

– А ему на это начхать, он вообще иудей и христианское вероисповедание ни во что не ставит,– возразила девушка.

– Иудей? А я-то думаю, где это я его видел. Точно, в Иудее,– улыбнулся Михаил.

– Так нет же такой страны,– проявила вдруг образованность географическую Сюзанна.

– Как так нет? А Иерусалим тогда где?

– Иерусалим турки захватили уже тыщу лет, построили там мечеть высоченную и никого в нее не пускают,– продемонстрировала Сюзанна еще большую осведомленность.

– Совсем никого?

– Своих только, которые Магомету молятся – сарацин пускают, а наших гонят в шею. Сколь уж раз туда ходили с крестами. Все зря. Не пускают,– Сюзанна горестно покачала головой.

– Крестоносцев вы имеете в виду?

– Их. Придут, постоят у ворот Иерусалимских, да домой.

– Так ведь крестоносцы не только с крестами и хоругвями ходили, но и с мечами,– осторожно попробовал выяснить осведомленность горничной о войнах крестоносцев с сарацинами Михаил.

– Ну а как же без меча?– удивилась Сюзанна.– Далеко идти-то. На край света почитай. В дороге всякое может случиться. Разбойники могут напасть. Вот мечи и брали с собой.

– Так ведь приходили в Иерусалим и воевали с турками, а не просто стояли у ворот,– опять попытался Михаил вернуться к исторической реальности.

– Так ведь сколько идти-то пешком пришлось людям, а их не пускают. Обидно, вот и пошли приступом на магометян. Только все зря. Не пустили все равно. Султан у них очень суров и никаких слов увещающих слушать не желает.

– Что ж, по-вашему, Султан у магометян тыщу лет один правит? Бессмертный что ли?

– Нет, конечно. Правят разные, а называются одинаково. Саялами,– авторитетно заявила Сюзанна, запивая мясо пивом.

– Ну, Аллах с ними, с сарацинами. Вот ваши пятьдесят фунтов, мисс. Ничего что французскими Империялами?– Михаил решил больше не терзать Сюзанну расспросами и выложил на стол деньги.

Горничная уставилась на монеты и закивала. Столько золота сразу ей видимо видеть не приходилось.

– Получите. А что там еще вы говорите, кроме бумаг находилось в шкатулке?

– Браслеты и медальон. Но куда они подевались я не знаю. Молодой герцог утверждает, что на чердаке в сундук бросил, а вот Эммануил, что не было там их. Так что я и не знаю где они теперь,– Сюзанна, не считая, собирала монеты и глаза у нее радостно блестели. Жизнь у девушки явно налаживалась.

Чтобы не терять время попусту парни, посоветовавшись, решили разделиться. Сергей отправился в погоню за Эммануилом, взяв его след через Филю, а Михаил остался дожидаться

Персиньи, который из Лондона вернулся, но, по словам консьержа, в настоящий момент собрал сотрудников и давал им ценные указания.

– Подождите, сэр – это не надолго. Как только освободится, я вас тот час же извещу, – Мердершёнтайлсбаубаухер улыбался так доброжелательно, что в голову и мысль не могла закрасться, что этот человек способен солгать.

– Полчаса подожду. Не проблема, – пожал плечами Михаил.

– Полчаса, сэр? Полчаса вряд ли достаточно будет. Мсье посол любит поговорить, – улыбнулся еще доброжелательнее Фердинанд.

– Передайте ему, что жду полчаса, а потом или уйду, или войду прямо на это собрание дебилов и разгоню его к чертовой матери – это как настроение будет, – улыбнулся ему в ответ Михаил так же искренне и даже по плечу похлопал консьержа одобрительно. Фердинанд весело захрюкал, понравилась видать шутка незамысловатая монаха и, хлопнув в ответ Михаила, заверил:

– Бегу. Хрю-хрю-хе-хрекс. Так им и скажу, что вы уже осерчали и того и гляди уедете или вломитесь. Ха-ха-ха-ха, – прорвалось веселье, переломив консьержа пополам.

– Беги! – Михаил щелкнул пальцами и Фердинанд, оборвав хохот, вытянулся по стойке «смирно». Даже каблуками башмаков щелкнув.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, – вытаращив глаза, гаркнул он, повернулся и, забыв захлопнуть за собой дверь, помчался выполнять распоряжение. А через минуту уже ворвался в кабинет посла и заорал как капрал на плацу, построивший новобранцев и объясняющий им, за что нужно любить короля и государство.

– Мсье посол, прекращайте пустословить, к вам важный чин, почти сам император, очень гневается, и ждать, не намерен. Очень важный. Может быть, и сам Император переодетый. А может Принц-консорт.

– Ты что пьян, каналья? – повернулся к нему Персиньи.

– Трезв, мсье, пристрастия к винопитию не имею, а посему советую всем разойтись и спрятаться, пока сей важный чиновник не ворвался сюда и не разогнал всех по углам.

– Как выглядит, кто в свите?

– Один пришел, выглядит монахом в сутане, но очень сердится.

– И на этом основании, мерзавец, ты сделал вывод, что это Император или Принц-консорт?

– Да! – честно признался Фердинанд.

– Пшел вон, шельма, и не попадайся мне теперь на глаза. Можешь считать себя уволенным. Посольство Франции не нуждается в услугах кретинов, – Персиньи поднес Фердинанду под нос крепко сжатый кулак и добавил. – Без выходного пособия. Убирайся!

– Ох, пожалеее, мсье! – мстительно зашипел в ответ консьерж. – Я так и передам его Сиятельству или его Величеству, что вы сказали. Как бы вам самому не выскочить из кресла посла в отставку.

– Убирайся, недоумок. Моему ангельскому терпению приходит конец, – взвыл Персиньи, хватая консьержа за шкирку и выталкивая из своего кабинета.

Михаил, услышав в подробностях, как героически отстаивал Фердинанд его право на аудиенцию, понял, что перед ним стоит уже не консьерж, а клошар и ему стало жалко парня, пострадавшего по его вине.

– Извини, Фердинанд. Все будет хорошо. Вас не уволят, обещаю. Наоборот, жалованье увеличат. Вы какое предпочитаете?

– Посла, Ваше Высокопревосходительство, – радостно осклабился консьерж.

– Молодец! Соображаешь. Посла, так посла. А ему твое – это будет справедливо. Как ты считаешь?

– Справедливо, Ваше Высокопревосходительство. Я-то весь день у дверей на ногах, а он сидит в кресле и оскорбляет еще.

– Правильно. Теперь ты будешь сидеть в посольском кресле у входа, а он пусть стоя руководит. Жди здесь, а я пошел разбираться с этой невеждой.

В кабинете посла за огромным столом сидел сам посол, а его сотрудники, в количестве пары дюжин, стояли перед ним, склонив головы. На вошедшего монаха обернулись все одновременно, и в помещении наступила мертвая тишина, прерываемая тиканьем настенных часов. Михаил прошел к столу и уставился, не мигая на Жана-Жильбера-Виктора де Персиньи. Тот пожегся под этим взглядом, и начал было открывать рот, чтобы что-то сказать, но Михаил властно махнул на него рукой, затыкая и повернувшись к служащим, повелительно произнес, голосом, не терпящим каких либо возражений:

– Все свободны, господа. Вон!!!– рявкнул он на замешкавшихся сотрудников и те бросились к дверям, будто на них спустили стаю гончих псов. Через пять секунд Михаил остался с послом наедине и, повернувшись к нему спросил:

– Ты, что творишь, мерзавец? Ты кого ждать заставляешь? Встать, когда с тобой Я говорю!– Персиньи вскочил, лихорадочно одергивая кургузый фрак и поправляя съехавший набок паричок с буклями.

– А кто вы?– проямлил он все же.

– Я твой главный Начальник,– Михаил сверлил взглядом сконфуженного посла.

– Мой главный начальник – Император Наполеон– III,– пролепетал посол Франции.

– А я Самый главный Начальник. Ясно? Есть еще вопросы?

Вопросов у посла не оказалось, и Михаил продолжил:

– Докладывай, где бумаги, которые доставлены из замка экс-короля?

– Отправлены срочным курьером, Васше... ство,– сглотнул испуганно Персиньи, не зная как называть «Самого Главного Начальника» и боясь спросить почему-то об этом.

– Маршрут следования курьера?– продолжил допрос Михаил.

– Не могу знать. В мелочи не вникаю. Через Ла-Манш.

– Понятно, что не через Берингов пролив. Успел отправить, значит. Каков гонорар за документы?

– Пятьдесят тысяч фунтов,– Персиньи скорбно опустил голову.

– А вы сотруднице, жизнью рискующей, пятьдесят фунтов отвалили всего. Это вы считаете справедливо? Я полагаю, что нет. Выплатить горничной Сюзанне пятьдесят тысяч немедленно из своих личных средств,– распорядился Михаил.– Пошлите в поместье экс-королевское тот час же. Вручите под расписку. Я проверю,– Персиньи кинулся к секретеру и принялся лихорадочно доставать из него ассигнации. Набрал 50-т тысяч, он с облегчением вздохнул, и вытер дрожащей рукой испарину на лбу. Позвонив в колокольчик, распорядился дюжему секретарю отправить сумму в поместье с охраной и передать деньги горничной Сюзанне под расписку.

– Бего-о-о-о-м!– ткнул Персиньи молодца в шею и тот выскочил из кабинета, с выражением ужаса на лице, заразившись от шефа паникой.

– Теперь о консьерже. С этого дня выплачивать ему ваше жалованье, его гроши будете получать вы сами. Это наказание за нерасторопность,– Михаил грозно нахмурил брови. – Понятно? Или вы против?

– Ни в коей мере,– закивал Персиньи и, схватив перо, принялся писать приказ в бухгалтерию о внесении изменения в платежную ведомость.

– Это все! Провожать не нужно, я знаю где выход,– Михаил повернулся и вышел, а Жан-Жильбер-Виктор де Персиньи со стоном упал в кресло. Через полгода его спроводили в отставку за развал работы резидентуры в Англии, и он с радостью уехал из промозглого, Туманного Альбиона, тем более что жить на жалованье привратника было весьма не просто.

Персиньи буквально голодал и от постоянного недоедания у него уже случались обмороки. Прибывший на его место новый посол очень удивился, первый раз расписавшись в платежной ведомости.

– Здесь нолик затерялся, милостивый государь,– обратился он к казначею посольства, аккуратно ткнув мизинцев в строчку с суммой жалования.

– Нет, мсье, все верно. Распоряжение предыдущего посла, мсье Персиньи.

– Он что белены объелся?– новый посол уставился в приказ подписанный Жан-Жильбером.

– Не могу знать. Вел себя весьма странно,– развел руками казначей.– Опротестуйте в министерстве финансов, мсье. Более ни чем помочь не могу,– посол немедленно отправил депешу в Министерство финансов и не прошло и полгода как получил оттуда ответ, который извещал о том, что табель о рангах утвержден Императором и вносить изменения в оный не в компетенции министерства. Посол, у которого начались финансовые проблемы, написал прошение Императору, с просьбой вникнуть в создавшуюся ненормальную ситуацию, когда посол Франции получает жалование в десять раз меньшее, чем консьерж этого посольства. Наполеон– III, получив письмо, долго тупо пялился в него, затем наложил резолюцию.– « Срочно принять меры. Наполеон– III». И отправил бумагу в министерство финансов. Там письмо посла попало в департамент, занимающийся курьезами и жалобами. Провести разбор жалобы и принять меры, было поручено недавно принятому на должность столоначальника... Жан-Жильбер-Виктору де Персиньи. Начинающему карьеру почти с нуля. Голод, как известно не тетка, и в отставке долго он не просидел. Прочитав письмо посла с резолюцией Императора, он злобно ухмыльнулся и составил докладную, в которой обосновал правильность установленного табеля в посольстве Франции и необоснованность притязаний посла буквально заклеил, обвинив чуть ли не в измене. Шестеренки бюрократические медленно вращались, со скрежетом перемещая бумаги из Англии во Францию и обратно, так что консьерж Фердинанд успел состариться и уйти на пенсию, а во Франции дважды за это время сменилось государственное устройство.

Глава 4

Попрощавшись с Фердинандом, Михаил отправился вслед за Сергеем в сторону Лондона, куда помчался преследуемый им экс-дворецкий. У парня видать кое-какие дела незавершенные были и в столице Соединенного королевства, так как он совершенно не торопился пересечь Ла-Манш не медленно. Вызванный Филя доложил, что Сергей уже въехал в столицу Англии и двигается по ее улицам вслед за каретой, в которой путешествует Эммануил фон Франкенберг.

– И куда направляется эта бестия?– Михаил решал, стоит ли вообще преследовать экс-дворецкого. Документы он передал, а вот браслеты и «медальон» – это один процент вероятности, что они именно у него в дорожном саквояже.

– Очевидно, отправился в Сити-центр,– предположил Филя.

– Из чего это вытекает?

– Проехал на крыше кареты и послушал разговоры пассажиров. Сэр Франкенберг, расспрашивал лысого джентльмена с огромным носом, как ему найти в районе Сити, какую-то лавочку ювелирную. Там его родственник подвизается на перепродаже бижутерии. И джентльмен ему ответил вежливо, что «сдохнет тот час же если знает, где эта лавка находится. Там этих лавок на каждом шагу и вообще этот «Большой Фурункул» тем и славится, что в нем шагу не ступить от этих лавчонок». Еще джентльмен обозвал Лондон «Вонючим смоком и Свалкой для отбросов», на которую он бы сам добровольно никогда не поехал. Но вот служба его принуждает к этому. Джентльмен служит в полиции и ему приходится мотаться в эту «Клоаку Вавилонскую» еженедельно.

– Неужели такой грязный в 18-ом веке город Лондон?

– Совершенно чумазый. Канализации практически нет, только строить начинают. Поэтому четыре миллиона жителей валят все куда попало. В основном в Темзу. Река протухла, потому что в нее сливают еще и отходы производства с фабрик и заводов, которых понастроили за последние десятилетия сотни. Техническая революция, сэр,– Филя чирикал Михаилу в ухо, вцепившись коготками в плечо.– Преступность, сэр, невероятная. Виселицы не успевают освобождать у Тауэра от повешенных преступников. Ежедневно вздергивают пару-другую негодяев. Фальшивомонетчиков в основном и налетчиков. Джеков-Потрошителей опять же развелось в Лондоне в последнее десятилетие просто невероятное количество. Полиция с ног сбилась регистрировать убийства с особо-тяжкими. Бытовые убийства – вообще норма жизни. Особенно в рабочих трущобах. Это Ист-Энд. Туда после захода солнца лучше вообще не соваться. Зарежут, ограбят, настучат по фейсу, изнасилуют и просто вульгарно нахамят.

– Изнасилование – это круто. Неужто и мужчин насилуют?

– А как же!– подпрыгнул на тонких ножках Филя и затрепыхал радостно крылышками.

– Женщины насилуют. Поймают ночью ротозея припозднившегося и хватъ. Целые банды орудуют

«вуменлэди». По статистике половина изнасилований на их совести. Вот вчерашние газеты писали. В «Лондон Таймсе». Джентльмен носатый зачитал для всех любознательных попутчиков. Изнасиловали двух инспекторов полиции. Представляете? При оружии были констебли, как положено. Напали сразу десять фурий, связали по рукам и ногам и только утром бедолаг обнаружили на берегу Темзы, совершенно нагих и безоружных. Чудом живы остались и в отставку подали оба, не снесли позора. В этих районах фабрично-заводских и днем-то разгуливать опасно, только в «Завесе» если постоянно. Могут налететь и ободрать как липку, глазом мигнуть не успеешь, а уже без кошелька и вообще без ничего. Не брезгают работяги ни чем.

– Какие же это «работяги»? – пожал Михаил плечами.– Преступники.

– Совмещают. Кто работает в дневную смену, грабит ночью, кто работает в ночную смену, тот грабит днем,– авторитетно чирикнул Филя.

– Спят-то когда? Ты что несешь, сокол ясный?

– Совсем не спят, судя по количеству преступлений. Джентльмен носатый – его Джоном звать, сказал доверительно шепотом на ушко Эммануилу, что будь его воля он бы весь этот сброд запер бы на их предприятиях и выпускал бы только по одной неотложной надобности.

– По какой это?

– На кладбище, чтобы похоронить.

– Этот Джон придурок. Все полицейские, во все века одинаковы и мысли у них похожи. Им дай волю, они весь Земной шар в концлагерь превратят.

– Не-е-е-т. Джон мужчина положительный. В храм ходит по воскресным дням, семьянин примерный. Детишек пятеро. Не курит, спиртное не употребляет,– принялся защищать источник информации Филя.

– Крыльев у него ангельских нет?

– Информации о наличии крыльев не имею, так как визуально целиком объект виден не был.

– Не пьет, не курит. У него фамилия не Гитлер часом?

– Информация о фамилии так же отсутствует в связи с тем, что не называлась. Сказал просто Джон и все.

– Ладно, мотай к Сереге, возможно ты ему скоро понадобишься. Передай ему, что я еду следом и пусть сообщит, где будет ждать. Проводит пусть этого уволившегося до ювелирной лавчонки, и тогда прилетай,– отпустил Михаил Филю. Вокруг уже потянулись предместья Лондона. Копыта Леркины выбивали дробь на мощеных улочках и они довольно широкие, постепенно становились все оживленнее. Гужевой транспорт заполнял город. Лошадиные морды были повсюду. Дилижансы, кареты, двуколки, тарантасы и просто телеги с одинокими возницами, запрудили проезд. Все это лошадиное поголовье, управляемое людьми, ржало, всхрапывало, громыхало копытами и колесами. А вот дышать действительно было затруднительно, куда не кинешь взгляд, над крышами торчали дымящие трубы. Над городом висел смог. Сизо-черным облаком он накрывал его и, перемешиваясь с дождевыми облаками, выпадал на лица, одежду, стены домов и мостовую. Добавляя к естественным цветам свою ложку дегтя. Фабрики и заводы, гордо выставили трубы самого большого сечения, но все же львиную долю дыма давали обыкновенные трубы – отопительные. Лондонцы зябли и грелись у каминов, пыхтя табачным дымом.

– Точно фурункул, хоть противогаз одевай. Как они тут живут каждый день?– Михаил достал носовой платок и вытер им лицо. Взглянул на черные полосы, оставшиеся на ткани, и вздохнул:

– Десять минут в городе и уже как трубочист,– затем присмотрелся к лондонцам, снующим по тротуарам и довольно быстро научился отличать постоянно-живущих от только что приехавших.

Улица, по которой он перемещался, была с односторонним движением и, до очередного перекрестка Михаил добрался довольно быстро, даже на рысь иногда переходя, а вот на перекрестке началось столпотворение. Стоящий в центре полисмен-регулирующий, заворачивал всех влево и вправо, запрещая проезд прямо. Рядом с ним, для грамотных, но бестолковых, громоздился щит с надписью аршинными буквами. «КАНАЛИЗАЦИОННЫЕ РАБОТЫ. ОБЪЕЗД». Под надписью красовались две стрелы указывающие направление объезда. Впрочем, и без этой «наглядной агитации» было видно, что улица перерыта в нескольких местах поперек проезжей части и ехать туда никто, в общем-то и не рвался, но тем не менее с английской аккуратностью улица вдобавок была еще и перегорожена здоровенной лесиной, как шлакбаумом. Поток транспорта, разветвлялся в разные стороны, смешиваясь с такими же потоками из соседних улиц и ор стоял такой, что Михаил, подъезжая к перекрестку даже подумал, что начались беспорядки и народ, от такой жизни сволочной устав, сводит счеты с городскими

властями. Оказалось, что просто англичане со свойственным им темпераментом, разбирались кому, куда проезжать. Какой-то кэбмен замешкался, выворачивая свою колымагу и перекрыл встречное движение. Его лошади в шорах, рвались в упряжке, натыкаясь на встречные лошадиные морды и испуганно ржали, нещадно охаживаемые кнутом.

Констебль-регулировщик, с сожалением оставив свое место у щита, полез в поток разбираться, размахивая дубиной и принялся так же хлестать по мордам и без того несчастных животных. Лошади, получив по глазам дубиной стража порядка, рванулись в разные стороны, затем вперед и смяв представителя закона, ринулись в образовавшуюся щель за его спиной. Колеса кэба подпрыгнули пару раз и кэбмен, нахлестывая лошадей, лихо укатил в ближайшую улочку даже не оглянувшись полюбопытствовать, что там с полицейским. К удивлению Михаила, перееханный блюститель закона, поднялся самостоятельно, погрозил кулаком вслед уехавшему «водилю» и похромал на свое место.

– Силен, бродяга!– Михаил крутил головой, соображая куда ему лучше свернуть и в этот момент ему на плечо плюхнулся Филя.

– Велено передать, сэр, что вас ждут рядом с Трафальгарской площадью на Пол Мол-стрит.

– Это как ехать?

– Прямо сэр.

– Прямо?– Михаил прикинул высоту жердины перегораживающую проезд, – Давай, Лер, только без фанатизма, ровно столько чтобы махануть через шлагбаум этот.

Констебль в длинном форменном сюртуке с блестящими пуговицами испуганно прыгнул, когда над его головой мелькнули копыта прыгнувшего «Трояна». Лерка поняла буквально и скакнула прямо с того места где получила «добро». Прошла аккуратно, в дюйме над шлемом полицейского и приземлилась точнехонько за лесиной, шелкнув по ней легонько задними копытами.

– Ну, ты блин, коровище тупорылое, что творишь?– Михаил оглянулся назад и присвистнул. Прыгнула Лерка метров на пятьдесят, и теперь перекресток застыл, будто выключили старую кинохронику. Все пялились на лошадь с сидящим на ней монахом, раскрыв рты. Но задние напирали и, движение возобновилось, унося очевидцев явного «чуда» в разные стороны. И только полисмен, вытаращив глаза, продолжал смотреть в их сторону, не решаясь что-либо предпринять. С одной стороны он обязан был пресечь нарушение и наказать нарушителя, но с другой стороны... такой прыжок видеть ему еще не приходилось никогда. Регулировщик вынул из форменного сюртука тряпку и принялся размазывать грязь по лицу. Равномерно разместив копыт по фейсу, он сунул тряпку обратно в карман, решительно хлопнул дубиной по открытой ладони и направился все же в сторону нарушителя. «Служба есть служба», без труда прочитал на его угрюмом лице Михаил и, не дожидаясь разбирательств, пришпорил Лерку.

– Давай уж, продолжай, чудо. Вон те две канавки перескочи, а потом обычным манером. Ясно?

Канавки были метра по три шириной и отстояли друг от друга метров на пятьдесят. В них ковырялись землекопы, размахивающие кирками и лопатами.

Лерка опять поняла не правильно и маханула обе канавы сразу, не заморачиваясь поэтапным преодолением каждой. Реакция работяг была предсказуема – все побросали инструменты и полезли вверх. Полисмен, увидев очередной скачек, замер и сняв свой шлем, перекрестился.

– Охренела совсем!– Михаил, крутнул «Трояна» вокруг своей оси, приводя в восторг публику и, поспешил убраться с места происшествия. Филя, все это время сидевший на его плече, осуждающе чирикнул:

– Сэр, до чего эти лошади тупые животные. Даже я понял, что нужно было сделать. А эта дура два раза сигала. Расстояние-то смешное. Сто метров. А народ вон вытаращился. Устроила цирк посреди Лондона. Я бы, сэр, наказал непременно.

- Интересно как?– Михаил не стал уточнять, чего он хотел от лошади на самом деле.
- Вот ей, запретил бы снимать фильмы про насекомых. Порно-энтомологические.
- Почему порно?
- Так там в каждом кадре спаривание. Я за голову схватился, когда просмотрел. Не дай Бог детишки увидят,– зачирикал возмущенно Филя.
- Лерка, ты что в натуре совсем страх потеряла? Что за спаривание там у тебя с насекомыми?– Михаил задал вопрос, подпустив в голос строгости и Лерка, обиженно повернув голову назад, заморгала глазами:
- Не слушайте вы его, Хозяин. Нет там никакого порно. Все в рамках приличия. Что я не понимаю что ли?
- Смотри у меня, лишь лицензии. Скачешь тут как антилопу Гну.
- Антилопа Гну, так не скачет, хозяин. Максимум восемь метров в длину и два в высоту,– возразила Лерка.
- Я не расстояние имею в виду, а неуправляемость. Что за самодеятельность, блин? Сказано же было аккуратно, без фанатизма. А ты что вытворяешь?
- Виновата, не поняла термина,– Лерка так лихо зашевелила ушами, что Михаил удивленно вытаращился на их мельтешение.
- Что это у тебя со слуховыми сенсорами?
- Перенастраиваюсь.
- Куда?
- На «без фанатизма».
- И что теперь?
- Теперь «без фанатизма».
- И что?
- Значит, без прыжков.
- Как это прыгать ты собралась «без прыжков».
- Перелезть буду,– радостно сообщила Лерка.
- Здрасьте. Еще не лучше. Без фанатизма – это значит прыгать, имитируя лошадь обыкновенную, чуток добавляя. Подскакала бы к шлагбауму и перескочила, ровно столько, сколько нужно. Лазить она собралась. А я следом полезу? Ясно, чувырло бестолковое?
- Так точно, хозяин,– закивала Лерка и снова зашурудила ушами, видимо перепрограммируясь под новое понимание «без фанатизма». Следующие три канавы-траншеи канализационные Лерка перескочила вполне обыкновенно, даже особенно не удивив рабочих землекопов. Головы, конечно, повернули, но работу не побросали,– «Ну, лошадь. Ну, прыгает. Эка невидаль».
- Вижу, поняла. Вот так и нужно. Не привлекая внимания к себе. Нафига нам это надо?
- Нам это нафиг не нужно,– поддакнули Филя с Леркой.
- И заткнитесь оба. Уже народ начинает обращать внимание на вас говорунов,– сделал им замечание Михаил.
- Какой-то нищий оборванец, в цилиндре, смятом в гармошку и в невообразимых лохмотьях, схватил Михаила за ногу и простонал:
- Помогите убогому, добрый господин. Тонул геройски в Тихом, Атлантическом и Индийском океанах. Отдал все королеве. Здоровье, молодость, одежду и все свое состояние. Я моряк, сэр!
- Михаил швырнул «утопленнику» монету и тот, ловко поймав ее, ослабил беззубым ртом.
- Пошли вам Нептун удачу, сэр. За весь день вы первый подали несчастному Хью. А столько много мне вообще никогда никто не подавал. Вали его братва! – рявкнул он, отскаки-

вая от «Трояна» и из подворотни тут же высыпало еще десятка полтора таких же оборванцев, с рожами озаренными надеждой на легкую наживу.

Перекопанная улица была пуста. Рабочим дела не было до проблем возникших у проезжего монаха, а обыватели привыкли не вмешиваться в дела их непосредственно не касающиеся. Впрочем, выскочившие из подворотни, пожалуй, ими и были. Чем не обыватели? Самые что ни на есть.

Лондонские «гопники» вызвали у Михаила искреннее любопытство. Все пятнадцать. Поэтому он обстоятельно принялся их разглядывать, справедливо полагая, что вряд ли ему еще раз доведется наблюдать жизнь «обитателей лондонского дна» вот так непосредственно в естественной среде обитания, без навязчивого присмотра государственных служащих с дубинами в руках, которые одним своим видом мгновенно принуждают людей лицемерить. Главным, конечно же, был Хью – утопленник, судя по тому, что сам он в свалку не лез, как и положено командиру, ринувшихся в атаку «бойцов». Оборванцы действовали согласованно и быстро, своими действиями наводя на мысль, что эта экспроприация в их жизни многотрудной не первая и у них было достаточно времени отшлифовать свои профессиональные навыки. Просто душа радовалась наблюдать, как разбившись на тройки, эти ребята живенько окружили объект и, потрясая дубинами, принялись убеждать его отказаться от собственности. Хью, руководящий операцией, давал ценные указания, хриплым, хорошо поставленным командирским голосом. Если он действительно тонул во всех океанах, кроме Северно-Ледовитого, как утверждал, то не иначе как в качестве боцмана.

– Что вы прыгаете как макаки, крьюс-брам-рей вам в задницы, стаскивайте монаха с лошади и снимайте с него все. Кошелек мне, – подгонял он команду. Пятнадцать грязных рук, свободных от дубин, незамедлительно вцепились в сутану и если бы она была из обычной ткани, то Михаил в течение пяти секунд остался бы без одежды, но ткань выдержала к чести ее разработчиков из «допотопной» корпорации ХЦХ.

Вцепившись в сутану лондонские «джентльмены удачи», буквально повисли на Михаиле, сквернословля и сопя от усердия. Михаил потянул повод влево, и Лерка закружилась на месте против часовой стрелки. Получившаяся «карусель» ей так понравилась, что она даже заржала от избытка чувств. А вот обывателям местных подворотен это, любимое всеми детишками мира развлечение, явно пришлось не по душе, потому что на пятом круге, некоторые стали отскакивать с недовольными физиономиями. Дольше всех продержался верзила в полосатой когда-то рубахе. Рубаха когда-то была шикарной, в широкую горизонтальную полоску, она сочетала весь спектр радуги, но это было очень давно и теперь на ней преобладали два цвета – черный и серый, живописно прерываемый там и сям лохматыми дырами разного размера. Парень был уцепистый и выдержал кругов десять, даже пытаясь наносить удары сучковатым дрыном. При этом он орал что-то невразумительное, переведенное «сурдом», как «эх ма». Однако центробежная сила на десятом круге доконала и этого, самого фанатичного из «джентльменов». Зато и отлетел он гораздо дальше остальных. Метров пятнадцать пролетел, так и не выпустив из руки дубину. Зацепив по пути Хью, замершего с открытым, беззубым ртом. Если бы не Хью, то парень, пожалуй, улетел бы гораздо дальше, но «боцман» был тоже парень не самого мелкого телосложения, поэтому столкнувшись с ним «полосатый» с ног-то его сшиб, как кеглю, но полет на этом и закончился.

Хью-утопленник, временно оказался не в состоянии руководить действиями банды оборванцев и они, привыкшие действовать по его указке, деморализовано таращились на монаха, сидящего как ни в чем ни бывало на «бешеной» кобыле.

– Не зашиб ли я вас часом, джентльмены? – осведомился Михаил, пытаясь изобразить на лице самую очаровательную улыбку. Улыбка получилась, но не очаровала, а напротив... обозлила.

– Бей его!– крикнул кто-то визгливо и зло. Явно не Хью. Похоже, в команде появился новый неформальный лидер. Предложение было толковым, а главное своевременным, поэтому никто спорить не стал. Даже Хью, будь он в сознании, не смог бы придумать ничего толковее. Джентльмены удачи, рефлексорно разбившись на тройки, кинулись на улыбающегося монаха и дубины замелькали со всех сторон, опускаясь в основном на круп лошади. Досталось ногам и коленям Михаила, били не точно, но сильно. Очухавшийся от приземления «полосатый», ринулся, чтобы внести свою посильную «лепту» и опять удивил Михаила, сломав довольно толстую дубину о его плечо с первого удара. Нормального монаха на нормальной лошади уже давно бы убили вместе с лошадыю, но эта мысль как-то никому не приходила пока в голову. «Полосатый», лишившийся «орудия труда», принялся швырять в Михаила булыжники, выворачивая их из мостовой и норовя попасть в голову. Вот это уже не понравилось Михаилу, потому что парень явно был мастер в этом виде спорта и мог запросто попасть в лицо, не защищенное «Завесой». Тем более что метался он перед самой мордой Лерки и с трех метров промахнуться было сложно. Уклонившись от двух булыжников, Михаил соскочил с «Трояна» и третий перехватил вместе с занесенной для броска рукой. Не обращая внимания на прыгающих вокруг оборванцев с дубинами, отвел «полосатого» к стене и, усадив там, скомандовал:

– Замри,– потом повернулся к наседающим на него гопникам и принялся аккуратно изымать из их рук дубины. Забирал и швырял на крышу соседнего дома. Дом был, впрочем, совсем не высоким – пятиэтажным. Секунд тридцать заняло разоружение и секунд десять ушло на то, чтобы согнать банду последней дубиной к той же стене. Получившие по легкой, профилактической затрещине, джентльмены удачи жались спинами к шершавой стене дома. Сейчас они напоминали стаю бродячих собак, всегда готовую напасть, но и всегда готовую бежать при достойном отпоре жертвы.

– Лер, притащи сюда Хью – капитана этой сборной команды,– попросил Михаил и «Троян» немедленно приволок зубами, прихватив за лохмотья, все еще пребывающего в беспомощности «боцмана».

– Что-то долго он в отключке,– посочувствовал Михаил бывшему моряку. – Не зашиб ли его этот мордорот вообще на смерть? Всем стоять и не дергаться. Шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация, глушу без предупреждения, – сообщил он мнущимся у стены «джентльменам» их права и обязанности.

Хью оказался жив и Михаил, поставив его на ноги вежливым рывком, нахлобучил ему на голову цилиндр-гармошку, который заботливо принесла в зубах Лерка. Глаза у Хью смотрели в разные стороны, но на ногах он держался, поддерживаемый с двух сторон собратьями, а с третьей стеной дома.

– И так, джентльмены, с чего начнем нашу политинформацию?– обратился к усмиренной своре Михаил. Банда оборванцев оцепенело, молчала. Монах, который получил сотню ударов убийственных и остался жив, заставлял относиться к нему с почтением. Хорошая "мысль", которая как известно, приходит "опосля", незамысловатая, а потому пришедшая во все нечесанные головы одновременно, пробежала по извилинам "джентльменов" и отразилась на лицах тупой покорностью. Монах был "в своем праве" победителя. И дубина в его руках аргументом была веским, для того чтобы слушать его со всем максимальным вниманием столько, сколько он сочтет нужным. Кто-то даже всхлипнул тоскливо, с подвыванием.

– Ну-ну! Все не так трагично, господа нищие,– попытался успокоить оборванцев Михаил, но опять добился эффекта прямо противоположного. Кто-то застонал, как над покойником и рванул драную одежонку на груди, так что только треск пошел.

– Всем заткнуться!– повысил слегка голос Михаил, подпустив строгости и это подействовало. Замолчали.

– Довожу до вашего сведения, джентльмены, что я не любитель острых ощущений и приехал в ваш вонючий город совсем не для экзекуций. Понятно излагаю?

– Не-а,– осмелился кто-то на реплику.

– Поясняю. Мордобой не одобряю. Понятно теперь?

– Да. Чего не понять. Ясно, что не одобряете, святой отец.– Живо отреагировали обитатели лондонского "дна".

– Я понимаю, что не от хорошей жизни разбоем занялись и нищенствуете не из любви к такому времяпрепровождению, но неужели в таком большом городе и не найти себе занятие менее хлопотное и более прибыльное?

– С фабрики выгнали и куда я пойду?– заныл стоящий крайним слева коротышка в длинном до пяток сюртуке. С кого он его содрал не известно, но потерпевший был видать здоровяк, потому что нынешнему обладателю пришлось рукава срезать наполовину. Сюртук был подвязан, как и положено веревкой пеньковой, а из-под длинных пол, бахромающихся по земле, торчали босые, грязные пальцы ног. Остальные одеты были не лучше. Приличнее всех выглядел Хью – "утопленник" в его цилиндре и вполне добротной куртени из парусины. Дырок почти не было на ней и это очевидно давало ему право на капитанство.

– Что, все фабричные?– оборванцы запереглядывались и Михаил понял что, пожалуй, не все.

– А в порту на разгрузке, в доке не пробовали пристроиться?– Спросил он.

– Там своих хватает. Сунься-ка. Наш район этот. Вон от того угла, до Трафальгарки,– объяснил кто-то «бестолковому» победителю.– Ты, того, святой отец, коль уж так вышло, то либо отпуская, либо вызывая легавых, пусть вяжут. В околотке конечно не сахар, но привычно,– пробурчал Хью, пришедший в себя.

– А может вам скоморошеством заняться? – Михаил сочувственно рассматривал оборванцев. – Играть, ктонибудь умеет на музыкальных инструментах? Ну-ка умеющие, поднимите руки.

Подняли двое из пятнадцати.

– Я дудеть могу на свирели,– доложил «полосатый».

– А я на барабане могу стучать,– отлип от стены еще один оборванец с музыкальными навыками.

– Ну вот, уже кое-что,– окинул их одобрительным взглядом Михаил и полез в дорожную суму.– Держите,– свирель и барабан, неожиданно появившиеся в руках монаха, привели оборванцев в совершенно детский восторг. Заухмылялись и перемигиваясь, стали подталкивать «музыкантов» к инструментам.

– Ну-ка, Билл, выдай чего-нибудь веселенькое,– «полосатый» Билл, вытер ладони о дражные парусиновые штаны и несмело принял свирель. Дунул в нее неуверенно, вспоминая что-то давно забытое из детства пастушьего, не иначе, и заиграл какую-то незамысловатую мелодию все же.

Оборванцы буквально рты открыли от изумления.

– Ну, Билл, ты прямо этот... маэстро,– ахнул коротышка, приседая от избытка чувств.

Барабанщик, начал отбивать такт, хотя видимо его вначале, удивил необычный вид инструмента. Михаил не заморачиваясь, выдернул самый обычный, пионерский. Трещал он вполне, кстати, исправно и барабанщик, перекинув ремень через плечо, быстро освоился, сносно аккомпанируя свирели. Получилось даже душевно и терпимо для начала.

– А остальные вполне могли бы просто подпевать. Гимн Великобритании, например. Билл сможешь.– "Боже, храни нашу великодушную королеву"– спросил Михаил.

– Он сможет, бизань-гик ему в печенку,– гаркнул Хью и заревел: – God, save our gracious Queen!

Билл не подкачал, да и барабанщик старался, как мог. Остальные ревели гимн, из которого, как оказалось, знали через пень-колоду только первый куплет.

– Ну что ж, не плохо, джентльмены, – констатировал Михаил. – Но с Трафальгарской площади вас попрут, как пить дать, при первых же нотах. Еще и оскорбление Ее Величеству инкриминируют чего доброго. В Тауэре нормально кормят или так себе?

Лица у всех оборванцев, при упоминании тюрьмы, перекозились в гримасе отвращения и Михаил понял, что кормят там не очень хорошо.

– Тогда нужно порепетировать. Кто знает какую-нибудь песню от начала и до конца?

– Я знаю балладу о несчастной парочке. Там мамаша двух голубков так достала, что они руки на себя наложили, – Билл запел про несчастных влюбленных, и оборванцы застыли, вслушиваясь в незамысловатое содержание. – Еще про Робин Гуда, – Билл, похоже, входил во вкус.

Шервудский лес нам стол и кров

Шаги у нас легки

Нас кормят стрелы и клинки

Мы Робин Гудовы стрелки

Он парень будь здоров, – выдал он тут же куплет под рокот барабана.

– А что, мне нравится, – сделал ему комплимент Михаил. – Билл, да у тебя талант и голос не плохой. Давай-ка, напой пару куплетов про Робина, потом про эту девицу, которая замуж чуть с разбегу не вышла, да мать за подол удержала. Ну и гимн королевский. Репертуар, конечно, так себе, но если с душой взяться, то думаю, за день, гденибудь, на бойком месте, будете свой кусок хлеба с колбасой зарабатывать легко. Одеты, правда, неказисто для артистов, даже для уличных, – Михаил прикинул на глазок размеры оборванцев и принялся выбрасывать из сумки сначала джинсы, потом тельняшки.

– Быстро переоделись все, – скомандовал он и «джентльмены удачи», расхватав одежду, принялись переодеваться, восторженно переговариваясь. Обувью Михаил их тоже обеспечил. Берцы армейские вышвырнул, к ногам обалдевших нищих. Носки, торчащие из ботинок, привели парней в замешательство. Уж больно новенькие были и одевать их на грязные ступни никто не решался.

– Одевайте, чего уж там, – махнул рукой Михаил. – Заработаете на выступлениях и в баню сходите, а пока не до церемоний. Постричь бы вас еще охломонов, – Михаил почесал затылок и выдал каждому по здоровенному гребню, – Во, пока причешитесь.

Переодетые в джинсы, берцы и тельняшки «джентльмены удачи» изменились просто, как по волшебству и их лохматые, небритые физиономии, засветились от счастья. Гребни рвали спутанные волосы, но все стойко сносили боль ради имиджа, который, как известно – все.

– Вот теперь совсем другое дело, – Михаил придирчиво осмотрел «концертную бригаду». – Шарманку еще для полного комплекта и вперед. Билл, репетируй. Кто будет волыннить, тому по шее разрешаю врезать, – Михаил выставил перед оторопевшими «артистами» шарманку и кивнул Хью: – Давай, боцман, принимай главный инструмент. Назовем ваш вокально-инструментальный ансамбль... Скажем... «Королевские бродяги». «Короли» – короче.

– О-о-о!!! – одобрил коллектив название и с энтузиазмом принялся разучивать слова баллад и гимна. Хью с удовольствием крутил ручку шарманки и через четверть часа первый в мире ВИА уже слаженно ревел: – Нас кормят стрелы и клинки, мы Робин Гудовы стрелки и парни будь здоров!

– Молодцы! – Михаил похлопал в ладоши. – А теперь вперед к публике, братва.

Появившийся на Трафальгарской площади ансамбль инструментально-хоровой с шарманкой, произвел фурор в первую же минуту. Ротозеев набежало столько, что сразу же приперлись констебли в количестве трех человек и потребовали, как водится, – «Прекратить и разойтись». Михаилу пришлось вмешаться, быстро объяснив служивым, что присутствуют они при событии эпохальном.

Блюстители порядка, проявили понимание, как обычно в таких случаях, во все времена и во всех странах. И обошлось это понимание Михаилу всего в три фунта. Зато как потом

звучал гимн королеве! Констебли расчувствовались и даже пытались вернуть Михаилу фунты, удивив его несказанно.

– Господа полицейские – это вам за труды. Забот-то прибавится. Ребята будут платить в месяц три фунта, но и вы уж их в обиду не давайте. Вон как поют, – сержант-полицейский высморкался в платок и заверил, вытирая платком нос и глаза:

– Будьте уверены, сэр. Порядок обеспечим. Куда прешь, скотина, не видишь тут концерт?– схватил он за шиворот, какого-то мастерового, пытающегося пройти прямо через поющих бывших «джентльменов удачи». – Чего рот раскрыл? Слышишь, поют?– мастеровой закивал.

– Слышал? Плати,– полицейский поднес волосатый кулак к носу работяги и тот безропотно опустил монету в перевернутый мятый цилиндр, стоящий у ног Хью, наяривающего на шарманке.

– Порядок, сэр,– довольно ослабилс констебль.

– Я спокоен за вас, джентльмены, вы под защитой Закона,– обратился Михаил к ВИА.– Платите вот этому сержанту три фунта в месяц и работайте спокойно. Репертуар только обновляйте почаще и все будет ол райт,– Михаил вскочил в седло и, махнув рукой бывшим бродягам на прощанье, направился на Пол Мол-стрит.

Глава 5

Сергея он заметил издали, сидящего на корточках и курящего сигарету. Рядом трясла головой Верка, опустив голову. Похоже, что они о чем-то беседовали шепотом.

– Где тебя носит, Миха, я пол пачки сигарет сжёг,– Сергей не преувеличивал, вокруг действительно валялось с десяток фильтров.

– А чего мусоришь? Привыкнешь еще,– сделал ему замечание Михаил.

– А куда? Что-то урн не наблюдается. Я мусорю? Ты присмотришь к ландшафту, чистюля, – и будто бы в подтверждение его слов из окна второго этажа выглянула женщина и крикнув: – Берегись!– выплеснула прямо на тротуар ведро помоев.

– Культурная попалась, предупредила. Некоторые наоборот норовят прямо на голову вывоздать. Стоят видать и ждут ротозея вроде тебя,– Сергей, кряхтя, выпрямился и оттолкнул в сторону Веркину морду.– Дура ты набитая, Вер, такую простую загадку не можешь отгадать.

– Некорректно составлена, Хозяин,– прошипела Верка едва слышно.

– Что за загадка?– заинтересовался Михаил.

– Да детская – А и Б, сидели на трубе,– засмеялся Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.